

И
М
М
С
У
С

Интеллектуальное достижение!
Торжество исторического исследования и литературного стиля.
Le Figaro

Жан-Кристоф Птифис

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ХРИСТА
ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ
К СВЯЩЕННОЙ ТАИНЕ**

Жан-Кристиан Птифис

**Иисус. Жизнеописание
Христа. От исторической
реальности к священной тайне**

«Центрполиграф»

2011

УДК 232
ББК 84(4Фра)

Птифис Ж.

Иисус. Жизнеописание Христа. От исторической реальности к священной тайне / Ж. Птифис — «Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-227-08237-4

Известный французский историк и биограф, лауреат многих литературных премий Жан-Кристиан Птифис предлагает интереснейшую книгу о земной жизни Иисуса и его смерти на кресте. Основываясь на новейших научных данных и авторитетных исторических материалах, автор доходчиво и увлекательно рассказывает о содержании проповедей Иисуса, о его странствиях и чудесах. Излагает евангельские рассказы о Воскресении, о явлении Христа ученикам уже после Воскресения, приводит малоизвестные факты, отвечает на острые и неожиданные вопросы. Эта книга увлечет любого читателя – верующего и неверующего, человека молодого и зрелого возраста, того, кто философски настроен, и того, кому интересна история Римской империи и христианства.

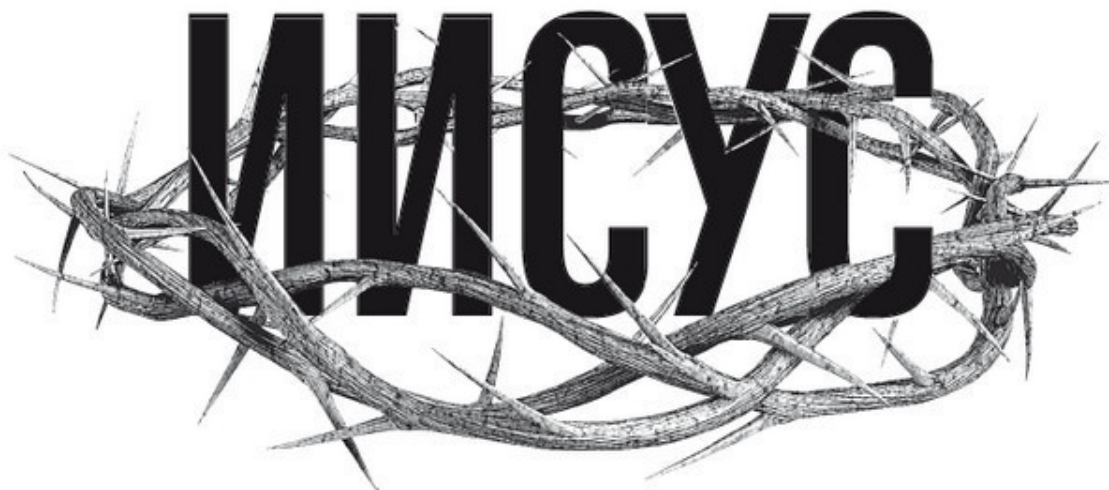
УДК 232
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-227-08237-4

© Птифис Ж., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Пролог	7
Глава 1	19
Иордан – деятель истории	19
«В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря...»	21
Отшельник в пустыне	22
Омовения или крещение?	24
Новый обряд	26
Был ли Иоанн Креститель ессеем?	28
Глава 2	29
Евреи и греческий мир	29
Тяжесть римского господства	32
Мир в кризисе?	34
Мессианские стремления	36
Успех и беспокойство	38
Глава 3	41
Выход на сцену	41
Иудей своего времени	43
Эти странные Назореи	46
Род Иисуса	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Жан-Кристиан Птифис
Иисус. Жизнеописание
Христа: от исторической
реальности к священной тайне

Посвящается моей сестре Элиане

Jean-Christian Petitfils
JÉSUS

© Librairie Arthème Fayard, 2011

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Пролог

Иисус – самая известная фигура всемирной истории. Примерно треть всех людей мира в разной степени утверждают, что они – последователи Иисуса, его духовного учения или его этики. Он основатель христианства – самой распространенной религии на нашей планете, ствола, ветвями которого являются католическая, православная, лютеранская, кальвинистская и англиканская церкви. Евангелия, в которых задокументированы его жизнь и его учение, сформировали множество культур, в первую очередь западную цивилизацию. Помимо своей нравственной ценности, они в прошлом в огромной степени вдохновляли архитектуру, скульптуру, живопись и музыку этой цивилизации и, в более широком смысле, внушили людям Запада их образ жизни – хотя сегодня вера, разумеется, стала личным выбором. Даже Коран, составленный еще в VII в. и. э., видит в Иисусе одного из великих пророков, которые предшествовали Магомету.

Помимо догматов христианской веры, собранных воедино в Апостольском символе веры, первая версия которого возникла в конце II в., и в Символе веры, принятом на Вселенских соборах в Никее (325) и Константинополе (381), согласно которым Иисус – единственный Сын Бога, явившийся на землю, умерший и воскресший ради грешников, существуют сочинения бесчисленного множества верующих и неверующих авторов, которые интересуются Иисусом как историческим лицом. В последние годы появилось много таких произведений, особенно в Соединенных Штатах, где исследования на эту тему идут очень энергично (там сотни дипломов второго и третьего цикла выданы за такие работы и библейским институтами, и государственными университетами).

В Западной Европе, которая стала очень мирской, он не утратил своего обаяния для людей. Может быть, именно утрата религиозных ориентиров возбуждает интерес к Иисусу и его загадке?

Документальные источники хорошо известны – четыре Евангелия, признанные каноническими (то есть те, которые ранняя христианская церковь объявила достойными доверия и вдохновленными Богом), – Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна; послания апостолов; несколько Евангелий, которые называются апокрифами, то есть по той или иной причине не вошли в традиционный корпус христианских текстов; несколько фраз из сочинений нехристианских авторов, например из книг жившего в I в. историка-еврея Иосифа Флавия; и, наконец, несколько отрывков из Мишны.

Это, конечно, лишь фрагментарная информация, но, в сущности, эти обрывки более многочисленны и содержательны, чем сведения о многих исторических деятелях Античности – например, о Сократе, Пифагоре, Александре Великом и большинстве римских императоров.

Хотя Иисус не оставил после себя ни одного написанного слова, сегодня ни один серьезный историк не сомневается в его существовании. Но в XIX в. в нем сомневались Давид Фридрих Штраус и основатель тюрингенской школы Христиан Баур, а в XX в. усомнился Поль-Луи Кушу, первый в ряду «мифологистов». Еврей по имени Иешуа (иначе Иисус), несомненно, жил в Палестине в начале I в. н. э. Это был странствующий проповедник, ходивший по Галилее и Иудее. Он был арестован по наущению высших духовных лиц Иерусалима – первосвященников Анны и зятя Анны Иосифа по прозвищу Каиафа. После короткого судебного процесса он был приговорен к смерти и распят на кресте у ворот Святого города по приказу римского наместника Понтия Пилата, в правление Тиберия. Эти факты доказаны. Но остается много вопросов относительно Иисуса. Что известно о его жизни в целом? Кем считали Иисуса его современники? Еврейским реформатором? Да, но каким? А сам он считал себя освободителем Израиля или пророком конца времен? По какой причине он был казнен? Какую ответственность за его

трагическую смерть несут римские оккупанты и официальные власти Храма? Действительно ли он был основателем христианства?

Канонические Евангелия не являются ни репортажами, ни подобием античных биографий – жизнеописаниями замечательного наставника, которого больше нет и которого почитают его ученики, хотя и близки и биографиям, особенно Евангелие от Луки. Это прежде всего свидетельства, написанные для того, чтобы пробудить или укрепить веру, биографические катехизисы; их предназначение – доказать, что этот Иисус из Назарета, который был казнен как отверженный в праздник иудейской Пасхи, действительно воскрес на третий день, жив до сих пор и присутствует среди своих. Он окончательно победил смерть, и его учеников призывают присоединиться к нему в Царстве Божиим. Такова суть Христова послания, которое делает Иисуса осью вселенной для тех, кто верит в него. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша»¹, – говорил апостол Павел. Вопросы остаются: не изменили ли религиозные тексты, ради своих утверждений, подлинное лицо своего героя, не подверглись ли цензуре его слова? Не исказила ли память свидетелей историческую правду? Не было ли так, что церкви мошеннически использовали послание Иисуса о братстве и любви (как считают некоторые)? Короче говоря, как восстановить человеческий облик Иисуса независимо от послепасхальной проповеди о Христе, торжествующем над смертью? Как перейти от текста к истории?

Некоторые исследователи видят в Иисусе только учителя мудрости, подобного Будде, Сократу, Конфуцию или Ганди; другие считают его выдающимся раввином, даже фарисеем, близким к великому Гиллелю; еще некоторые – философом цинической школы, эссеистским диссидентом, прорицателем, который предвещал апокалипсис и боролся с почитанием священных изображений, как потом боролись с почитанием икон; эсхатологическим пророком, говорившим о близком и неизбежном конце света; революционером-зелотом, предшественником палестинских бойцов; кем-то вроде древнего Че Гевары – богословом, провозгласившим теологию освобождения, и т. д. При таком разнообразии точек зрения легко заявить, что религия или ранняя Церковь окутала тайной жизнь человека из Назарета, и выдвинуть гипотезу, что один из позднейших учеников Иисуса, Савл из Тарса, называемый Павлом, был истинным основателем христианства.

Каждая эпоха делает Иисуса отражением своих собственных забот. Во Франции во время революции конца XVIII в. возник образ Иисуса-«санкюлота», а позже, во время революции 1848 г., появился образ Иисуса – пролетария и социалиста. В начале XX в. англичанин Хаустон Стюарт Чемберлен, вдохновитель нацистских теорий, даже набросал портрет Иисуса-арийца, в жилах которого не было «ни одной капли еврейской крови»! Сегодня есть те, кто на основе так называемого тайного Евангелия Марка (оригинальная рукопись которого до сих пор не предъявлена миру) хотели бы сделать из Иисуса гомосексуалиста, а американцы провозглашают Иисуса феминистом. Возвращение эзотерики и гнозиса – разумеется, дешевой подделки под гнозис, как в имеющем всемирный коммерческий успех романе Дэна Брауна «Код да Винчи», – показывает, что некоторым исследованиям не хватает научной строгости. Для одних Иисус, «великий посвященный», спасся от смерти на кресте и укрылся в тибетском монастыре; для других он женился на прекрасной грешнице Марии Магдалине и имел от нее ребенка, который стал родоначальником династии Меровингов. В центре этой низкопробной литературы находится «священная загадка», смертоносный секрет, который передается от поколения к поколению в некоторых кружках оккультистов и который замалчивают иезуиты в черных рясах, ватиканские носители красных ряс или сторонники организации «Опус Деи» или же, наоборот, хранят обитатели Сионского монастыря... Чем больше обман, тем он правдоподобнее!

Оставим в покое этих «комедийных Иисусов», как их назвал известный специалист по Библии, отец Пьер Грело. Что говорит история? В июне 1863 г. появилась «Жизнь Иисуса» – книга Эрнеста Ренана, который хотел сделать ее подлинным исследованием жизни историче-

ского Иисуса. Его попытка была не первой. Еще в XVIII в. немецкий философ Герман Самуэль Реймарус (1694–1768) попытался отыскать за утверждениями Евангелий «исторического Иисуса». Но он сам не осмелился опубликовать свои сочинения; отрывки из них выпустил в свет после его смерти его друг Герхард Лессинг. Для него Иисус был революционным мессией, который провозглашал приход Царства Божьего на земле и которого римляне хладнокровно казнили. Ученики Иисуса, не желавшие возвращаться к своей прежней жизни бедняков, выкрали его тело, уверили всех, что он воскрес, и создали духовное учение, основанное на ожидании его возвращения. После работ Реймаруса, в 1835–1836 гг. была опубликована «Жизнь Иисуса» молодого ассистента богословского факультета в Тюбингене, Давида Фридриха Штрауса, для которого евангельские события были лишь плодами мифотворчества. Он сводил все к одним символам, не видя за ними никакой исторической реальности. Но только исследование Ренана приобрело мировую известность, выдержало сотни изданий и было переведено десятки раз. Ренан, бывший семинарист родом из маленького города Третье, оспаривал исторические истины христианства. В противоположность Штраусу, он утверждал, что Иисус существовал, но был лишь нежным идеалистом, «ласковым мечтателем из Галилеи». Эта книга заметно устарела. Но одна из содержащихся в ней удачных догадок – то, что ближе всего к исторической правде Евангелие от Иоанна, а не три остальных Евангелия, которые называются синоптическими¹.

С тех пор исследователи продвинулись далеко вперед, сначала в толковании Нового Завета, где было значительно расширено поле библейских исследований, что позволило по-новому взглянуть на священные тексты Ветхого и Нового Заветов. Особенно отличились в этом немцы. Они изучали слово за словом, стих за стихом, анализировали их структуры, обнаруживали в тексте и отделяли от его основы маленькие вставные рассказы (такой рассказ называется перикоп). Стали говорить о Formgeschichte (истории форм) и Redaktionsgeschichte (истории редактирования). Так возник, а затем был развит и отточен историко-критический метод. Позже ему на смену пришла повествовательная критика, которая изучает текст как единое литературное произведение. Но этот структурный или семиотический анализ рассказов имеет одно неудобство: он совершенно не учитывает историческую реальность, лежащую в их основе. Этот метод занимается объяснением того, что хотел сказать автор текста, и не идет дальше.

С исторической точки зрения можно выделить три эпохи². Первая представлена «либеральными биографиями» Иисуса – работами ученых немецкой школы, но также книгой представителя французской школы Ренана (вдохновленного так называемой страсбургской школой). Она закончилась в 1906 г. работой знаменитого врача-миссионера и органиста, лауреата Нобелевской премии мира Альберта Швейцера (1875–1965). Швейцер в своем сочинении разрушал саму идею того, что биография Иисуса может быть составлена³. Он утверждал, что упражнения такого рода больше говорят о своем авторе, чем о своем предмете!

Реакцией на первые биографические эссе стал «бульмановский период»⁴. Для Рудольфа Бульмана (1884–1976), тонкого и искусного толкователя священных текстов, эрудита, обладавшего очень острым критическим умом, большого мастера догадок и предположений, Евангелия были частично мифами и легендами, плодами творческого воображения и редакторской работы послепасхальных общин. По его мнению, они были сочинены, чтобы удовлетворить конкретные потребности общин или дать им срочно необходимый катехизис. Вышивая по реальной канве, их составители украшали действительность сказками и баснями. Те немногие традиции, которые остались после реального Иисуса, были пропущены через фильтр и переработаны так, что их стало невозможно узнать. Поэтому задача ученого – демифологизировать

¹ Евангелия от Матфея, Марка и Луки называют синоптическими потому, что в них есть много аналогий, чего нет у них с Евангелием от Иоанна, и поэтому их можно читать параллельно, иначе говоря, в синопсисе (это слово по-гречески означает «охватывая одним взглядом»).

эти тексты путем критической интерпретации их языка, чтобы найти истинное ядро веры за мифическими суевериями. Результат его поисков был опубликован в 1926 г. в Германии и стал величайшим разочарованием для историка. Бультман фактически утверждает, что о земной жизни Иисуса, строго говоря, ничего нельзя сказать, потому что исследователь с самого начала наталкивается на Символ веры – керигму² ранней Церкви. Пасхальное Воскресение Христа стало непроницаемой стеной, за которой ничего нельзя увидеть в прошлом! То есть Бультман полностью отрицал, что можно найти какие-то зацепки, которые прикрепят жизнь Назарянина к реальному миру. «Исторического Иисуса» нужно отличать от «Христа религиозной веры», а желание перейти от одного из них к другому напрасно и не принесло бы результатов. И, что еще важнее, первый из них ни в коем случае не может быть поддержкой для положительной веры. История должна умолкнуть и уступить место богословам и пиетистам. Впрочем, она совершенно бесполезна для верующего (нельзя не признать, что это утверждение – величайший парадокс для религии Воплощения). «Бультмановский период» был коротким, но нанес современной науке о толковании священных текстов глубокие раны, шрамы от которых сохранились до сих пор. Эта наука с трудом избавляется от разрушительного скептицизма, которого нет ни в одной другой научной дисциплине, точной или гуманитарной.

Однако ученики Бультмана, в особенности Эрнст Кеземан (который отделился от своего учителя в 1953 г., во время знаменитой конференции) и Гюнтер Борнхамм⁵, старались увидеть сквозь евангельские тексты пусть слабые, но все же следы «исторического Иисуса». Это, второе, исследование имело целью отсеять самые ранние изречения, которые можно приписать Галилеянину, от более поздних, сочиненных Церковью, отделить подлинные исторические воспоминания от того, что к ним прибавили верующие, и определить, какие слова несомненно произнес сам Иисус – его *ipsissima verba*. Для этого были использованы различные критерии историчности, в том числе те, которые иногда следует применять очень деликатно⁶.

Третья волна поисков исторического Иисуса основана на новейших знаниях о среде, в которой он жил, то есть о культуре и обществе тогдашней Палестины. Эти исследования нацелены на то, чтобы определить место Иисуса в современном ему еврейском обществе. Авторы так увлекаются этим, что начинают считать, что он никогда не переступал границы этого общества, и забывают о своеобразии Иисуса, которое нельзя было вместить в рамки общепринятого. В итоге читатель задает себе вопрос: как такой идеальный еврей мог стать родоначальником христианства? В эти исследования (которые в целом остаются разрозненными и многообразными)⁷ внесли большой вклад такие не похожие друг на друга ученые, как Давид Флуссер, Геза Вермеш (*Jesus and the Jews*, 1973), Э.П. Сандерс (*Jesus and the Judaism*, 1985, *The Historical Figure of Jesus*, 1993), Брюс Чилтон (*Rabbi Jesus: An Intimate biography*, 2000) и Герд Тайсен.

Следует также отметить солидные работы других американских экзегетов, например отца Раймонда Э. Брауна, профессора библеистики из Нью-Йорка, и отца Джона Пола Мейера⁸. Среди очень серьезных работ весьма активных сейчас англосаксонских исследователей можно также назвать труды Ричарда Баукхема, Джеймса Д.Дж. Данна, Шона Фрейна и Ларри В. Хуртадо⁹. Нельзя оставить без внимания и важные работы экзегетов – французов или пишущих на французском языке. Не говоря уже о выдающемся ученом прошлого отце Лагранже (1855–1938), основателе иерусалимской библейской школы, перечислим среди католиков в первую очередь отцов Пьера Бенуа, Иньяса де ла Потри,

Ксавье Леон-Дюфура, Шарля Перро, Пьера Грело, Рене Лорантена и Филиппа Лорана, а среди протестантов назовем Иоахима Иеремиаса, Оскара Кульмана и Даниеля Маргерата. Специфические особенности библейского красноречия, которые умело проанализировал иезуит отец Ролан Мейне, тоже открывают перед исследователями новые перспективы. Сегодня уже

² Керигма – основное содержание христианской веры, которое провозглашали и передавали другим первые христиане.

невозможно считать Евангелия рассказами, составленными согласно классическим правилам латинских и греческих писателей. Евангелия – настоящие литературные произведения, созданные согласно совершенно особым методам восточного семитского красноречия¹⁰. При этом нельзя полностью отрицать использование в них греко-римской традиции, особенно в Евангелии от Луки. Недавно это снова доказал еще один иезуит, Жан-Ноэль Алетти.

В сущности, подход к изучению исторического Иисуса стал multidисциплинарным, несмотря на маниакальное желание некоторых библеистов замкнуться в узком кругу. Археология долго считалась среди этих дисциплин бедной родственницей. Однако археологические раскопки позволили за несколько десятилетий лучше понять ранний иудаизм¹¹. К счастью, историки начинают это осознавать. В этом отношении важны малоизвестные во Франции работы говорящего по-немецки бенедиктинского монаха из Италии, Баргиля Пикснера¹². Из них можно много узнать о еврейском обществе той эпохи и, в частности, о происхождении от царя Давида клана Назореев, из которого был родом Христос.

Более чем за полвека были сделаны археологические открытия первостепенной важности. В 1945 г. возле Наг-Хаммади в Верхнем Египте была найдена библиотека гностических текстов, и в ней обнаружены апокрифические Евангелия, от которых раньше были известны одни названия или короткие отрывки. В том числе было добыто из-под земли знаменитое Евангелие от Фомы, которое до сих пор возбуждает любопытство и разжигает страсти многих ученых. В том же 1945 г. в Тальпите, пригороде Иерусалима, израильский профессор Сукеник обнаружил запечатанную гробницу, не тронутую ни грабителями, ни осквернителями могил. В ней находились пять оссуариев, датированные 50 г. н. э. (дата определена по найденной там же монете). Один из оссуариев помечен знаком креста и надписью на греческом языке «Iesou Iou» («Иисус, помоги!»); на другом есть надпись на арамейском языке «Yeshu Aloth» («Иисус, верни ему жизнь!»).

Начиная с 1947 г. в Иудейской пустыне постепенно было сделано феноменальное открытие – обнаружены развалины поселения еврейской секты ессеев, известные под названием Хирбет-Кумран, и рядом – пещеры, где находилось большое количество библейских текстов, спрятанных там в 68 г. н. э., когда римляне подавляли еврейское восстание. Ученые занялись расшифровкой этих текстов, имеющих первостепенную важность для понимания древнего иудаизма, который заметно отличался от иудаизма современных раввинов (в числе этих ученых были француз Ролан де Во, Жан Карминьяк и Эмиль Пюэш). Израильскую землю постоянно роют. Каждый или почти каждый год исследователи находят новые остатки старины. Они откапывают в одном месте лодку, погребенную внутри берегов Тивериадского озера, в другом остатки колодца, в третьем фундамент дома, гробницу с нишами, в которой похоронен знатный человек, или почерневшие остатки синагоги первой половины I в. н. э. Так много находок, которые позволяют лучше узнать исторические и религиозные корни Иисуса и палестинскую среду, в которой он жил, с ее общественными, экономическими и языковыми реалиями.

Цель этой книги – попытаться создать набросок исторического портрета Христа и дать самое правдоподобное истолкование событий его жизни с помощью средств современной науки. Для этого нужно найти узкий путь между специализированными работами, которые трудны для чтения и предназначены для эрудированных читателей, и наивными соглашательскими реконструкциями, которые до сих пор процветают как учебники христианской религии, но имеют лишь весьма отдаленное отношение к исследованию, о котором здесь идет речь.

Предложить читателям жизнеописание Иисуса примерно через 150 лет после того, как это сделал Ренан, – несомненно, покажется специалистам провокацией. Они знают, что написать полную биографию Иисуса невозможно, если под ней понимать подробную реконструкцию всей его жизни. «Евангелия – единственная жизнь Иисуса, которую можно описать», – говорил отец Лагранж. Из жизни Иисуса известно лишь то время, когда эта жизнь была пуб-

личной, – самое большее три года и несколько месяцев. Желание дополнить описание на основе благочестивых апокрифов II и III в. н. э. было бы обманчивым. «Утраченные годы» ремесленника из Назарета всегда будут скрыты во мраке. Напрасно было бы также обращаться к подробным описаниям некоторых мистиков, например Анны Катерины Эммерих или Марии Валторты. Их сочинения, духовную ценность которых мы некомпетентны определить, фактически являются описаниями очень личных благочестивых размышлений и не выдерживают исторической критики (хотя надо признать, что порой в них попадаются яркие озарения). Фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы» слишком сильно опирается на книгу Катерины Эммерих и поэтому является лишь фантазией, немного высокопарной по стилю пародией на историю. Исследователь, несомненно, должен довольствоваться отрывочными образами, но их ткань должна быть плотной настолько, чтобы они открыли перед нами часть личности Иисуса. Благодаря открытиям, сделанным за последние 150 лет, стоит рискнуть и пойти на это приключение, даже зная, что полная объективность невозможна.

Оставаясь в рамках своей науки, цель которой – истинные факты, историк не провозглашает религиозные догмы. Например, он ничего не может сказать о спасительности жизни и смерти Иисуса Христа. Говоря о Воскресении, историк будет искать его следы в рассказах свидетелей или косвенным образом – в пустой гробнице, где пелены таинственным образом остались лежать так, как их положили за два дня до этого. Но его подход не будет противостоять совершенно иному подходу религии. Это значило бы противоречить законам разумной критики.

Он также должен освободиться от априорных положений рационалистической утопии. Это, в особенности при изучении жизни Иисуса, означает быть открытым для таинственного и сверхъестественного. Например, отрицать возможность чудес и отрицать их, считая просто детскими вымыслами, было бы проявлением не исторической науки, а философских предрассудков. «Если в чуде есть что-то реальное, то моя книга всего лишь сплетение ошибок», – наивно признавал Эрнест Ренан. То есть он оставался в плену у иллюзий своего времени – веры в безграничный прогресс, отрицания сверхъестественного, убеждения, что неизменные законы природы не могут быть нарушены вмешательством божества. Бульгман говорил то же самое: «Нельзя пользоваться электрическим светом и радиоаппаратами, в случае болезни требовать себе средства современной медицины и одновременно верить в мир духов и в чудеса Нового Завета». Откуда это желание сразу отвергать то, чего не может объяснить разум?

Необыкновенные явления, выходящие за рамки естественного, существуют и вызывают интерес у ученых. Таковы передача мыслей, которую не удастся объяснить с помощью известных нам законов физики; внезапные необъяснимые исцеления; видения; физические проявления мистических явлений; нетленность тел многих святых; надежно засвидетельствованные евхаристические чудеса. Некоторые из этих явлений не может понять даже парапсихология. Зачем отбрасывать их в сторону одним движением ладони? Некоторые известные ученые в то же время искренне верующие люди. Их вера не создает помех, когда они делают выводы из своих научных исследований.

Конечно, каждый рассказ нацелен на определенный круг читателей. Невозможно объективное изложение «голых» фактов, в котором совершенно не отражен взгляд рассказчика на события. Но подход изнутри, не превращаясь в провозглашение веры, позволяет, оставаясь на строго исторической точке зрения, лучше оценить логические структуры и взаимосвязи элементов видения, которое для историка остается чем-то внешним и отстраненным от него самого. Разве историки и экзегеты, имеющие глубокие корни в еврейской религии, например Давид Флуссер, Шалом бен-Хорин, Якоб Нойснер или Андре Шураки, не лучше остальных поняли тонкие связи, которые соединяют Ветхий и Новый Заветы?

Разумеется, историк не может высказаться определенно по поводу чудес или Воскресения Христа, не может он и взглянуть на Воскресение с точки зрения веры, не выходя за пре-

дела своей науки. Но он имеет право задать себе вопрос о глубинном смысле какого-либо факта, о намерении, лежавшем в основе какого-либо события или какой-либо беседы. Он должен чувствовать «душу» текстов, их внутреннее строение, цель, к которой они направлены. Этот методологический подход, разработанный в 1979 г. Беном Франклином Мейером, различает «внешнее» и «внутреннее» и, таким образом, выходит за пределы историко-критического анализа в обычном смысле этого термина¹³. Историк, например, не может сказать, что Иисус – Сын Бога, однако может с помощью своих собственных методов доказать, что Иисус всегда считал себя Сыном Божьим. Это хорошо видно и в Евангелии от Иоанна, и в синоптических Евангелиях. Доминиканец Франсуа Дрейфус в своей работе «Знали ли Иисус, что был Богом?», которая вышла в свет в 1984 году, открыл путь для плодотворной работы в этом направлении¹⁴.

Нужно повторить: важно оставаться открытым для тайны и избегать пристрастного редактирования. Когда киножурналисты Жерар Мордилла и Жером Приёр признались, что целью их серии расследований, которая была показана на телеканале Arte, было разоблачение мошеннических выдумок, обманов и предательства Церкви, короче говоря, что они желали взорвать обман, на котором основано христианство, считая его антисемитским и жестоким по природе, насколько можно было им верить?¹⁵ Можно ли при таком расположении ума вынести справедливое, пронизательное и не резкое суждение?¹⁶ Историческая честность плохо сочетается с воинственной антирелигиозностью, – впрочем, с устаревшим фундаментализмом она сочетается так же плохо.

При строгом соблюдении границ между этими двумя областями можно получить рациональный, а не рационалистический подход к личности основателя единственной религии, которая желает быть воплощенной. Трудно сразу уяснить себе, каким был Иисус. Поэтому следует искать, насколько это возможно, в оставленных им следах тесную связь его бытия и его послания, «особый отпечаток, делавший его единственным в своем роде»¹⁷. Агностик Марк Блох говорил: «Христианство – религия историков»¹⁸. Переключка с этим утверждением слышна в речи Бенедикта XVI о Слове Божьем, произнесенной перед римским синодом 14 октября 2008 г.: «Исторический факт – основополагающее начало среди аспектов веры. История спасения – не миф, а историческая правда, именно поэтому ее нужно изучать методами, которые применяются в серьезных исторических исследованиях».

Значит, работа историка – обнаруживать пригодные для использования источники, делать среди них выбор, убеждаться в их подлинности и судить как можно честнее о том, насколько они достоверны, особенно когда речь идет о том, чтобы описать жизнь человека, родившегося две тысячи лет назад. Великий английский экзегет Чарльз Гарольд Додд говорил: «Догадка, высказанная по поводу информации, – законный инструмент историка. А для историка Античности она часто бывает необходимым инструментом»¹⁹. Нужно, как говорит профессор Жак Шлоссер, «брать на себя риск формулировать гипотезы и даже прибегать к помощи воображения, хотя это и надо делать очень сдержанно»²⁰. Эта книга основана на некотором количестве предпосылок, которые будут считаться принятыми до тех пор, пока новые открытия не заставят нас изменить или отвергнуть то или иное толкование.

Итак, был произведен отбор среди гипотез, но этот отбор вовсе не был случайным. Выбраны те из них, которые во время исследований выглядят наиболее правдоподобными и которые, когда разработаны до конца, приводят к логической реконструкции. Когда несомненных доказательств нет, главным доводом в пользу гипотезы становится согласованность между собой основных данных.

Источники, содержащие сведения о жизни Иисуса, сами могли бы стать темой целого фолианта – так велика необходимость тщательно проанализировать, рассортировать и взвесить их согласно критериям историчности. Это сложная задача, потому что евангельские тексты,

которым следует быть основной опорой исследователя, являются прежде всего религиозными писаниями, полными богословского значения, а не историческими повествованиями³.

Помимо канонических Евангелий, многие античные авторы, в том числе Тацит, Светоний и Лукиан Самосатский, упоминают о некоем Иисусе из Назарета, еврейском реформаторе, казненном по приказу римского префекта Иудеи Понтия Пилата, что доказывает историческую реальность Иисуса. Плиний Младший, проконсул Вифании и Понта в Малой Азии, засвидетельствовал, что уже в начале II в. – и, несомненно, еще намного раньше – христиане считали Иисуса не мудрецом или философом, а богом, что в самой своей основе противоречило строго монотеистической религии, разработанной в Израиле. («Они поют гимн Христу как богу», – написал Плиний.)

Историк Иосиф Флавий, еврей из семьи священников, вставший на сторону римских властей, тоже в своих сочинениях два или три раза упоминает об Иисусе и даже посвящает ему целый абзац. Кажется, был обнаружен оригинал этого абзаца, без христианского комментария. К несчастью, из всех этих документов, даже из апокрифических Евангелий, можно извлечь очень мало информации, за исключением того факта, что никто, даже авторы Вавилонского Талмуда и первые оппоненты христианства, например философ-платоник II в. Цельс, не сомневаются в историческом существовании Иисуса.

Таким образом, четыре канонических⁴ Евангелия остаются самым содержательным источником сведений об Иисусе из Назарета. За почти два века они выдержали столько иссушающих ветров сверхкритического, комментаторского и исторического анализа, что теперь совершенно невозможно полностью сомневаться в подлинности фактов, о которых в них рассказано. Эти Евангелия противоречат одно другому лишь во второстепенных подробностях.

То, что три первых Евангелия, синоптические, отражают учение, которое проповедовали ранние христианские общины, – правда; что в них к рассказу о событиях примешаны богословские заявления, – тоже правда. Но было бы необъективно отвергать их все целиком или сильно занижать их ценность. Их сведения в общем и целом достоверны – разумеется, если не придавать им такой смысл, при котором вера слишком главенствует над разумом. В них нет вымышленных картин на реальном фоне, и они вовсе не сказки христианских общин, как считал Бультман. У них есть прочный исторический фундамент. В них сконцентрированы воспоминания свидетелей из первого поколения. Англосаксонские исследователи все в большей степени начинают это признавать²¹.

При передаче устных сказаний применялись раввинские приемы обучения и запоминания. Это заметно в стиле и ритме многих фраз синоптических Евангелий.

Но уже во времена самого Иисуса некоторые его слова вполне могли быть записаны. (Это могло быть сделано на деревянных табличках, покрытых воском. Их широко использовали в средиземноморском мире. Такие таблички были найдены, например, в Помпеях, в Геркулануме и на севере Англии, возле стены Адриана.)

Ни одно из трех синоптических Евангелий не создает ощущения, что оно написано очевидцем. Их происхождение и зависимость между ними сложны. В приложении я указываю работы серьезных экзегетов, которые позволяют реконструировать историю этих Евангелий. По мнению первых Отцов Церкви, ядром Евангелия от Матфея были ранние записи, вероятно сделанные на арамейском языке апостолом Левием, называемым Матфеем, а Евангелие от Марка отражает катехизис апостола Петра. Евангелие от Луки впитало в себя другие источ-

³ Поскольку эта работа была задумана как книга для широкой публики, я предпочел перенести технический анализ источников в приложение.

⁴ «Канон» на греческом языке означает «тростинка». От этого значения были образованы значения «мера» и «закон истины».

ники из кругов, близких к Павлу, а также некоторые элементы устного учения Иоанна, который тогда еще не написал свое Евангелие.

Кем был этот Иоанн (Йоханан), которого называют предпочитаемым или любимым учеником Иисуса и который умер глубоким стариком в городе Эфес, в Малой Азии? Совершенно ясно, что он был свидетелем. Маленькая группа апостолов и учеников, которые его окружали, недвусмысленно говорит об этом в конце его книжки: «Этот ученик свидетельствует о том, что описал, и мы знаем, что его свидетельство верно»²². Во II в. Поликрат, епископ Эфеса, уточнил, что Иоанн «был иереем (то есть священником) и [согласно этому сану] носил петалон (золотой лепесток), и был также свидетелем и дидакалом [преподавателем]»²³. Иоанн был из Иерусалима и принадлежал к высшей еврейской аристократии этого города. «Петалон» (tsits, золотой лепесток или цветок) был знаком священного сана, который во времена Исхода носил на груди первосвященник, но, кажется, потом его стали носить также некоторые представители семей, в которых были первосвященники. Этот Иоанн не имеет ничего общего, как считали с конца II в., с Иоанном, сыном Зеведея, рыбаком с Генисаретского озера, одним из Двенадцати, избранных Иисусом. Свидетельства Иринейя, Папиаса и Евсевия Кесарийского указывают в том же направлении, не говоря уже о самом анализе 4-го Евангелия, где в центре внимания автора в значительной мере находится Иерусалим.

Документ первостепенной важности – канон Муратори, относящийся ко II в. после Рождества Христова, объясняет, при каких обстоятельствах «Иоанн, один из учеников» задумал свое сочинение. «Когда его соученики и епископы стали побуждать его к этому, Иоанн сказал: „Поститесь три дня, начиная с сегодняшнего, и мы расскажем то, что будет дано в откровении каждому из нас“. В ту ночь Андрею, одному из апостолов, было открыто, что все должны просматривать написанное, но записать все должен Иоанн от своего имени. [Иоанн] утверждает, что он был не только очевидцем и слушателем, но также тем, кто записал по порядку все чудеса Господа»²⁴.

Значит, после распространения синоптических Евангелий в первых общинах апостолы – Андрей, вероятно, Филипп и Фома (имена которых достаточно часто встречаются в 4-м Евангелии), и несколько других учеников попросили этого носителя высокого сана и большого знания Писания тоже написать Евангелие. По словам историка Евсевия Кесарийского (III–IV вв.), автора очень важной «Истории Церкви», речь шла о том, чтобы дать дополнительные уточняющие сведения о жизни и учении Иисуса, в особенности о начале его деятельности проповедника. Евангелист Иоанн действительно был одним из двух первых учеников Иоанна Крестителя, пошедших за Иисусом (другим был Андрей). Андрей и те, кто его окружал, объявили себя гарантами достоверности его повествования и помогли ему описать события, произошедшие во время проповеди Иисуса в Галилее, в которых Иоанн не участвовал. 4-е Евангелие в какой-то степени является Евангелием от Иоанна и этой группы.

Таким образом, это сочинение создано несколькими очевидцами и оттого имеет величайшую важность. Иоанн не повторяет того, что сказали три его предшественника, хотя, разумеется, читал их тексты. Сегодня историки признают, что это Евангелие не только имеет блестящие перспективы в богословии, но также является самым исторически точным. Еще в 1968 г. англичанин А.М. Хантер написал работу «Святой Иоанн, свидетель исторического Иисуса»²⁵. «Все, что он говорит, историческая правда», – писал Жан Грожан, автор комментария к маленькой книжке Иоанна²⁶. Женщина-историк Мари-Франсуаза Баслер также отмечает: «В итоге Евангелие от Иоанна оказывается наиболее богатым исторической информацией, самым достоверным и наиболее связно излагающим факты, хотя все единогласно признают его наиболее богословским; это достаточно большой парадокс»²⁷. Все, что нам сообщают внешние исторические данные, в том числе последние археологические открытия, чудесным образом обнаруживаются в этом тексте – места, города и селения, границы, учреждения, люди, занимав-

шие должности, борьба за власть между евреями и римлянами, соперничающие религиозные партии, образ мыслей и мелкие подробности повседневной жизни до падения Иерусалима в 70 г. н. э.⁵ В Соединенных Штатах в связи с этим началась переоценка прежних представлений. Это может стать началом четвертого поиска Иисуса²⁸.

Поэтому я буду опираться в первую очередь на это Евангелие, но не стану пренебрегать и обильными сведениями синоптических Евангелий о галилейской проповеди Иисуса. Несомненно, с хронологической точки зрения эти три Евангелия менее достоверны. Они группируют вместе притчи и изречения Иисуса, словно собирают цветы в букеты, сосредоточиваются на нескольких днях, когда Иисус противостоял фарисеям и саддукеям, и сокращают время его проповеднической деятельности до одного года, хотя Иоанн указывает, что она продолжалась немногим больше трех лет.

В противоположность экзегету, то есть толкователю Писания, который не может смешивать тексты, если желает понять собственную логику каждого из них, историк не должен бояться использовать и скрещивать источники, находящиеся в его распоряжении, – разумеется, относясь к своей работе критически и следя за тем, чтобы сочетания не были искусственными. Некоторых даже может удивить то, как много значения я придаю трем великим реликвиям Страстей Христовых – Туринской плащанице, Судариуму (то есть плату) из Овьедо и Хитону (иначе тунике) из Аржантея. Эта тема намного богаче и сложнее, чем думают многие. Множество реликвий оказались фальшивыми, но эти три, кажется, выдерживают историческую и научную критику. Первая и самая известная из них, Туринская плащаница, – это погребальная пелена, в которую было завернуто тело Христа. На ней сохранились отпечатки лица и туловища со спины, причем первый находится возле ног второго. Это отпечатки тела мужчины семитского типа, с кровоточащими ранами после бичевания и сильных ударов по лицу. На его голове была шапка из ветвей терновника. Он был распят на кресте римским способом, то есть с помощью гвоздей, вбитых в запястья и ступни, и у него была рана в правом боку, то есть на теле имелись те раны, которые были нанесены Христу во время Страстей. Это впечатляющее изображение – нерукотворное (не созданное рукой человека), почти нестираемое, изотропное (то есть симметричное во всех направлениях). И его ни разу не удалось воспроизвести, даже в лаборатории, хотя для этого применяли самые разнообразные технологии. Известно, что эту плащаницу почитали в Европе самое позднее с XIV в. Но лишь в 1898 г., когда ее впервые сфотографировали, было обнаружено одно из ее свойств, о котором раньше не подозревали, – ее сходство с фотографическим негативом.

Вторая реликвия, Судариум, хранящаяся в Испании, в соборе города Овьедо, – это кусок ткани, которым, как утверждают, было накрыто лицо Иисуса сразу после его смерти на кресте и который оставался на своем месте, пока тело Иисуса не было положено в гробницу. На этой ткани видны только пятна крови и более бледные пятна жидкости, похожей на кровяную сыворотку. Самые ранние достоверные сведения о Судариуме относятся к VII в.

И наконец, Хитон, который императрица Ирина подарила Карлу Великому и который еще в ту эпоху был помещен в монастырь Нотр-Дам-д'Юмилите (Богородицы Смиренной) в Аржантее. Предполагается, что это нижняя одежда Христа, которая прикасалась к его коже во время Крестного пути.

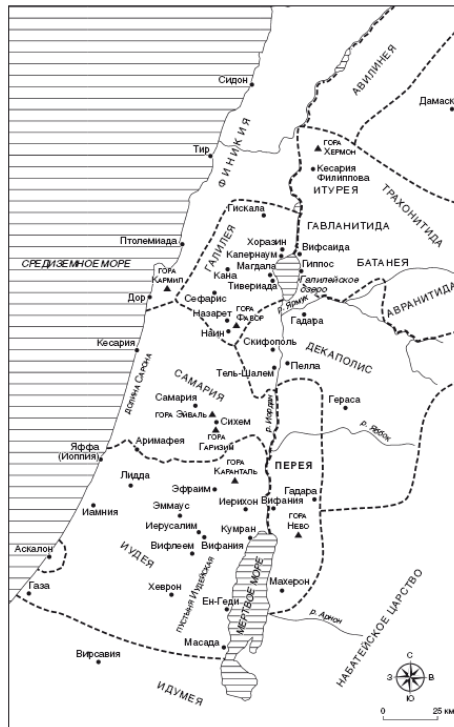
Результаты радиоуглеродного анализа этого Хитона вызвали много дебатов и полемики. В 1988 г. радиоуглеродные тесты показали, что Туринская плащаница возникла в Средние века

⁵ См. в Приложении 2 описание очень интересного открытия, которое сделал специалист по древнегреческому языку аббат Пьер Курубль: среди греческих слов, произнесенных Понтием Пилатом, встречаются типичные латинизмы. Это доказывает, что слова Пилата были записаны очень рано любимым учеником Иисуса, и также доказывает, что Иоанн, как правило, заботился о том, чтобы записать слова так, как их услышал, а не придумывал их в соответствии с ситуацией в общине, в которой жил, как полагает школа Бульмана. Это не мешает исследователям полагать, что свидетельство Иоанна было продумано и переписано заново в контексте его послепасхального понимания.

(между 1260 и 1390 гг.). Но это заключение сразу же было оспорено на том основании, что так сильно загрязненная ткань может казаться моложе из-за микроорганизмов или в результате стирки в воде, содержащей примесь углерода (в 1532 г., во время пожара, от которого пострадала плащаница, ее поливали водой). Однако в 2010 г. профессор Жерар Люкотт, биолог и генетик, осмотрел некоторые нити плащаницы под электронным микроскопом и обнаружил на них много следов карбоната кальция, бактерии и несколько видов плесени. Говорили также о починке плащаницы более новыми нитями: к такому выводу приходит в своих работах американский профессор Раймонд Н. Роджерс из Лос-Аламосской научной лаборатории.

Поэтому нельзя считать, что исследования закончены. С 1988 г. было сделано несколько больших шагов вперед в научном познании этих обладающих огромным обаянием археологических объектов. И благодаря этому возникли глубочайшие расхождения между словами, которые повторяют некоторые журналисты, и даже люди, близкие к католической церкви²⁹, цепляясь за устаревшие результаты прежних анализов, и последними историческими и научными исследованиями, в основном во Франции, Италии и Соединенных Штатах. Эти открытия касаются в первую очередь текстуры ткани плащаницы и найденных на ней следов надписей на латинском и греческом языках.

Короче говоря, нельзя противопоставлять всего одну научную дисциплину, радиоуглеродный анализ, всем остальным, каким бы совершенным он ни был (сами специалисты признают, что он не всегда дает достоверные результаты). Существуют и другие способы датировки археологических объектов. Это тем более верно, что сравнительный осмотр трех названных здесь реликвий доказывает, что у них есть волнующие исследователя общие черты: пыльца одних и тех же растений, растущих в Палестине, и следы одинаковых по форме ран, оставленные кровью одной и той же группы (сравнительно редкой группы АВ)³⁰. Одна лишь вероятность увидеть кровь этой группы на трех предметах из ткани, пути которых были разными в течение многих веков, равна 0,000125, то есть одному шансу из 8 тысяч, не говоря уже о вероятности других признаков соответствия, на которые указывает форма пятен. Скептиков я могу лишь отослать к Приложению 6 этой книги. Современная наука значительно повысила вероятность подлинности трех упомянутых здесь реликвий. Поэтому я считаю вполне законным учесть в этом повествовании внесенные ими уточнения.

Палестина в эпоху Иисуса

Глава 1 Иоанн Креститель

Иордан – деятель истории

Иордан, исток которого находится в горах Ливана, в местности Хасбайя, у подножия горы Хермон, соединяет озеро Хула и Тивериадское озеро и углубляется в самый глубокий и самый отвесный теллурический разлом нашей планеты, прежде чем затеряться на глубине примерно 400 м ниже уровня океана в бирюзовых непрозрачных водах Мертвого моря. Сначала бурный, он мало-помалу успокаивается и, лениво изгибаясь, катит свои волны вперед по равнинам, украшенным жасминами, мимозами и олеандрами, скользит, извиваясь, как змея, по белому мергелю рухнувшего плато Гхор, неся в своих водах грязную траву и сломанные ветки. Дальше он несет свои воды в засушливые местности с потрескавшейся землей среди колючего кустарника, камыша и тамаринда с розовыми цветами. Иногда, словно обессилев, он беспечно отдыхает на горизонтальных участках пути, где еще видны броды, когда-то известные караванщикам. В нижней части его долины пейзаж становится более диким – рыжеватые холмы с голыми вершинами. Здесь начинаются обожженные солнцем скалы Иудейской пустыни.

Важность пустыни в библейской символике общеизвестна. Она – место одиночества и аскетизма, место испытания, но также и место встречи с Богом. Она вызывает в памяти пылающий куст, который видел Моисей, Исход из Египта, Скрижали Завета, долгие скитания еврейского народа, ведомого своим вождем... Сложилось убеждение, что именно здесь, в этой пустыне, впервые явит себя Мессия.

Что касается Иордана, о котором в Библии упоминается около двухсот раз, он играет главную роль в священной традиции Писания и потому в культурном и религиозном мировоззрении еврейского мира. Этот мифический поток, символ изобилия и божественного расположения, является деятелем истории. Бассейн Иордана – сердце одного из первых регионов в Азии, который был колонизирован *Nomo erectus*, пришедшим из Восточной Африки. Были найдены следы поселений палеолитического времени. Примерно за 10 тысяч лет до и. э. первое оседлое население появилось в Айн-Маллаха, Вади-аль-Хаммех и в оазисе Иерихон, где в избытке имеются финиковые пальмы, бананы и мирра. Производящее хозяйство появилось в 8-м и в 7-м тысячелетиях до и. э. – люди стали выращивать пшеницу, ячмень, заниматься скотоводством. Вдоль потока располагалось множество поселений, изрядное количество предметов были найдены в погребениях бронзового века (3000–1200 до и. э.).

При древних евреях река их предков служила границей между Землей обетованной и языческими странами, которые ее окружали. Именно при переправе через Иордан у Галгала, в виду Иерихона, прибывающие из степей Моава племена под предводительством Иисуса, сына Навина, преемника Моисея, чудесным образом – посуху – вошли в землю Хананейскую³¹. Согласно эпическому повествованию книги Самуила народ шел в торжественной процессии за ковчегом Завета, а тот был сделан из древесины акации, имел массивную крышку из золота, и несли его левиты-священнослужители. В этой же самой местности пророк Илия в IX в. до и. э. был вознесен на небо на огненной колеснице. Город Авелмехола, расположенный недалеко от берегов Иордана, традиция называет родиной Елисея. В его воды Елисей приказал сирийскому военачальнику царя Арама, Нееману, войти семь раз, чтобы очиститься и излечиться от проказы...

В память об этих достославных событиях несколько возмутителей спокойствия, считая себя вдохновленными Богом, собирали там своих сторонников. Таким образом, около 44 г. н.

э., человек по имени Февда убедил толпу евреев избавиться от своего имущества и следовать за ним к реке, воды которой должны былиделиться на две части, как и в благословенное время Иисуса Навина. Прокуратор Куспий Фад захватил его и обезглавил. Иосиф Флавий рассказывает, что голову Февды внесли с триумфом в Иерусалим³². При Антонии Феликсе (52–60), другие шарлатаны обещали своим последователям «знамения и чудеса» в пустыне. В начале 60-х гг., при Порции Фесте, еще один лжепророк хотел привести своих сторонников туда под тем предлогом, чтобы найти спасение³³. Эти начинания были в итоге утоплены в крови.

«В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря...»

Несколькими годами ранее, во время правления императора Тиберия появился в пустынной местности возле Иордана необыкновенный человек, в котором толпы видели нового пророка, возможно нового Илию. Его имя было Йоханан, иначе – Иоанн³⁴. Его называли Предтеча или Креститель. Лука в своем Евангелии придает этому событию чрезвычайно торжественное величие, потому что оно открывает собой новую эру спасения и эпоху Мессии: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод [Антипа] был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне»³⁵ (Лк., 3: 1–2).

Это обширное введение напоминает не столько работы греческих историков, сколько двух малых пророков Ветхого Завета, которые пользуются той же схемой, чтобы отметить начало нового времени, Аггей: «Во второй год царя Дария, в шестой месяц, в первый день месяца, было слово Господне через Аггея пророка к Зоровавелю...»³⁶ (Агг., 1: 1) и Захария: «В восьмом месяце, во второй год Дария, было слово Господне к Захарии, сыну Варахиину, сыну Аддову, пророку...»³⁷ (Зах., 1: 1).

Обратите внимание на скрупулезность евангелиста, определяющего хронологически начало проповедей Иоанна. После проведенной проверки все оказалось точным: во время правления Понтия Пилата в Иудее тетрархом³⁸ в Галилее был Ирод Антипа, сын Ирода Великого, его сводный брат Ирод Филипп – в Итурее и в Трахонитской области, провинциях Северо-Востока и Востока, первосвященником был Иосиф Каиафа вместе со своим тестем Анной, предыдущим первосвященником, все, вплоть до нахождения в должности тетрарха мелкого князька Лисания из ливанской семьи. Его Лука упоминает в связи с близостью Абилены к римской провинции Сирия, откуда родом был он сам³⁹.

Но что подразумевается под пятнадцатым годом правления Тиберия? Должны ли мы отсчитывать от начала его привлечения к управлению империей (в тринадцатом году) или от его прихода к власти после смерти Августа, его приемного отца (в следующем, четырнадцатом году)? Историки спорят об этом⁴⁰. В начале XX в. выпускник Национальной школы хартий Артур Лот показал, что латинские историки, еврейско-римский историк Иосиф Флавий, первые Отцы Церкви, общественные надписи, нумизматика, в том числе сирийские монеты, отчеканенные в Антиохии, столице римского Востока, – все они датируют начало царствования Тиберия по времени смерти его приемного отца Августа. Если последний отошел в мир иной 19 августа 767 г. по эре Варрона⁶, то есть в 14 г. н. э., то пятнадцатый год правления Тиберия длился с 19 августа 28 г. по 18 августа 29 г. н. э.⁴¹

⁶ Эра, которая начинается с 754 г. до н. э. – года основания Рима.

Отшельник в пустыне

Какой странный персонаж этот Иоанн! Он носит своеобразный наряд, который защищает его от перепада температур в краю, где дневная и ночная температуры сильно различаются⁴²: тунику из верблюжьей шерсти и кожаный пояс. Это описание напоминает описание Илии («человек тот весь в волосах и кожаным поясом подпоясан по чреслам своим»⁴³ (4 Цар., 1:8). Таким образом его представляют художники на протяжении веков. Сначала он появляется в области Иерея⁷, в южной части Иордании на восточном берегу. В память о лишениях, понесенных народом Исхода, когда тот шел к Земле обетованной, он удалился в пустыню, где бродят дикие звери: антилопы, газели, волки, гиены... Посреди этих унылых холмов, где нет ни деревьев, ни кустов, он живет аскетом, не ест хлеба, не пьет вина и других полученных брожением напитков, питается исключительно диким медом, отложенным пчелами в тенистые трещины скал, и жирными желтыми саранчами, которых жарит на огне. Тишина! Все время тишина, которую нарушало только скрипучее карканье нескольких тощих ворон. Вскоре он чувствует новое призвание и становится из отшельника пророком. Похудевший, загоревший на солнце, он покидает раскаленные камни пустыни ради камышей Иордана. Толпы стекаются на его призыв. Они ищут вождя. Вполне вероятно, что это происходит осенью или в начале зимы 28 г. н. э., потому что летний зной таким мероприятиям препятствует.

Был ли он назиром, одним из тех благочестивых евреев, которые, как сказано в Числах⁴⁴, чтобы жить в благодати и чистоте, брали на себя обет придерживаться вегетарианской диеты (кузнечики мясом не считались, если верить Мишне⁸)? Известно, что Самсон, герой, обладавший легендарной силой, был одним из них. Назиры отращивали бороды и волосы. Поступал ли так же Иоанн, исполнившийся «Духа Святого еще от чрева матери своей» (Лк., 1: 15)? Об этом Иосиф Флавий говорит в одном абзаце своей «Иудейской войны», в ее «старославянской» версии: «Был тогда человек, ходивший по Иудее в странных одеждах из звериных шкур, облежавших тело в местах, где его не покрывали собственные волосы, и лицом похожий на дикаря»⁴⁵ (*Иосиф Флавий. Иудейская война. II, 2*).

Подобно древним пророкам – Илии, Амосу, Осии, Иеремии или Исаии – этот харизматичный человек, которому были близки эсхатологические⁹ идеи, объявляет, что гнев Небес скоро постигнет нечестивый народ Израиля и уничтожит его. «Уже и секира при корне дерев лежит». Всякое дерево, «не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь»⁴⁶ (Мф., 3: 10). В его видении будущего нет ничего увлекательного. Иоанн не возвещает никакой «благой вести», не обещает всем спасения. Его резкие замечания суровы, чрезвычайно суровы. Бог будет отделять зерна от плевел. «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф., 3: 12)⁴⁷. Образ весьма выразительный для его слушателей. Когда тяжелые снопы раскладываются на гумне, там их давят и растирают копыта быков, а корзинчики веют хлеб – бросают на ветер вместе солому и зерно. Солома будет собрана, чтобы исчезнуть в огне, а зерно бережно хранится как запас в амбаре. Так будет со злыми и добрыми в Судный день.

Солома окажется в печи, а хорошие колосья Израиля будут сложены в небесные житницы.

С какой неистовой силой, в каком грозном тоне, с какой оскорбительной ожесточенностью отчаянно обрушивается он на своих сограждан, особенно на членов двух основных рели-

⁷ Эта область вместе с Галилеей входила в тетрархию Ирода Антипы.

⁸ М и ш н а – собрание устных юридических и религиозных традиций, составленное около 200 г. н. э., содержит много поучений и предписаний, возникших в предшествующие века.

⁹ Эсхатология – учение о последнем конце, которое говорит о конечной судьбе человека после его земной жизни.

гиозных групп или «партий» своего времени, фарисеев и саддукеев, которые пришли на берег реки посмотреть на него – больше из любопытства, чем ради покаяния: он считает их «чернью» или «порождением ехидны», то есть потомками Каина, рожденного, в соответствии с эзотерической еврейской традицией, от союза Евы и змея. Одно из самых худших оскорблений для еврея из всех возможных! Он хочет пробудить своих единоверцев от духовной летаргии, смутить их совесть. Нет, недостаточно всем вместе прятаться за соблюдением обрядов чистоты, установленных Законом, мало бояться неумолимого Страшного суда, мало прийти к нему, чтобы спастись! Ничто подобное не может сохранить их от неугасимого огня, который он возвещает, и их принадлежность к избранному народу не является гарантией спасения. Остерегайтесь застывших идей, не верьте мнимой безопасности, которую дает безоговорочный союз Завета! Избранность больше не принадлежит лишь одному народу – детям Израиля по плоти и крови: «ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму»⁴⁸ (Мф., 3: 9). Только на иврите в этой фразе есть игра слов, основанная на сходстве их звучания: *min ha-abanîm ha-elleh banîm*⁴⁹.

Что же тогда делать? Евреи должны глубоко раскаяться в своих грехах, как индивидуальных, так и коллективных, отвернуться от идолопоклонства, изменить свои сердца, вести праведную жизнь и заниматься благотворительностью. «Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф., 3: 8), говорит он в своих проповедях⁵⁰. Если у кого-то есть две туники, он должен делиться с тем, у кого нет ни одной; если у другого есть пища, пусть он поступает так же. Несмотря на его требовательную строгость, его ужасающие увещевания, его призывы к покаянию и аскетизму, он молниеносно добивается поразительного успеха у всех слоев общества, начиная с крестьян, рыбаков, ремесленников – короче говоря, тех, кого называли «амхарец», что значит «народ земли», то есть невежды, те, кого религиозные элиты презирали за неуклюжесть и за несоблюдение основных правил благочестия, кто часто был ритуально нечистым. Сюда следует добавить солдат вспомогательных войск Ирода Антипы, а также налоговых и таможенных сборщиков, иначе «мытарей», многочисленных на границах Иудеи и Иерей. «Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем. [...] Ничего не требуйте более определенного вам»⁵¹, – советует он мытарям. Это, безусловно, много говорит о жестокости солдат и алчности сборщиков налогов. Только после душевного переворота он разрешает крещение водой – последний шанс избежать разрушительного Страшного суда и окончательного уничтожения.

Омовения или крещение?

В древние времена омовение в воде было общим для восточных культов и применялось при инициации или изгнании бесов из одержимого. Вода, символ жизни, плодородия и чистоты, омывает и оживляет. Последователи культа Иисиды, Митры или элевсинских мистерий практиковали священное омовение в водах Нила, Евфрата или моря. Евреи же совершали омовения несколько раз в день, чтобы избавиться от осквернений, неизбежных в повседневной жизни. Войти в дом язычника, приблизиться к прокаженному, больному экземой или мертвецу – все это делало еврея нечистым. Значит, нужно было омыться, чтобы вновь войти в культовую общину. Омывание совершалось в проточной воде, использовались помело из иссопа и пепел рыжей коровы, в которой нет порока, как это предписано в Числах⁵². Такой ритуал не освобождал от греха или проступка против морали, но позволял человеку отделиться от нечистого мира и приблизиться к Богу⁵³. Это правило вначале касалось священников Иерусалимского храма, которые омывались до и после религиозных церемоний. Накануне Праздника кущей первосвященник погружался в воду пять раз и мыл руки десять раз (это называется День погружения). С II–I вв. до н. э. обряды омовения проникают в домашнюю жизнь и становятся популярны у израильтян. В Книге юбилеев¹⁰ сказано: «И всякий раз будь чист своим телом и омывайся водою, прежде чем приступишь принести жертву на жертвеннике; омой руки и ноги, прежде чем приблизиться к жертвеннику. И когда ты приготовишь жертвоприношение, то опять омой руки и ноги» (Юбил., XXI). Археологи обнаружили большое количество купален и бассейнов этого периода как в Иудее, так и в Галилее. Их находят недалеко от ворот Храма, а также в Иерихоне, Масаде, Сепфорисе. В домах аристократов были устроены миквы, то есть бассейны для сбора дождевой воды (то есть воды, полученной из рук Божьих). Такая миква имела размеры приблизительно 2 на 4 м, ее объем был по меньшей мере 40 сеахов (600 л), в нее погружались, спускаясь вниз по двум или трем ступеням.

Создателями этих обычаев были не консерваторы-саддукеи (эти иерусалимские знатные особы и священники высокого ранга сдержанно относились к литургическим новшествам), а фарисеи – книжники и наставники, обязанностью которых было объяснение Закона и обучение ему. Они завоевали большое влияние среди населения. Желая сделать детей Израиля народом священнослужителей, славящих Господа, они увеличивают количество предписаний, относящихся к нечистоте. Благочестивый еврей должен был постоянно остерегаться мирской жизни и очищать себя: после того как он присутствовал на похоронах, после исполнения супружеских обязанностей... Даже предметы не избегли воздействия этой навязчивой идеи. Кубки, кувшины, блюда следовало постоянно мыть. Вошло в привычку белить известью перед Пасхой места погребения, чтобы их можно было заметить издали и избежать оскверняющего контакта с ними¹¹. Все быстро стало причиной нечистоты. Иосиф Флавий в своей последней работе *Contra Apion* – «Против Апиона» – сообщает, что жители Иерусалима крадутся вдоль стен, чтобы не задеть прохожих, которых они встречают!

Распространение обрядов привело к разделению, чрезвычайной изоляции общества на «праведников» и «грешников», которые недостаточно или плохо соблюдали многочисленные запреты (даже название «фарисеи», *parishim* на арамейском языке, означает «отделившиеся»). Во времена Иисуса некоторые виды деятельности и категории людей считались нечистыми только из-за возможного контакта с язычниками, женщинами или трупами: проститутки,

¹⁰ Эта книга состоит из дискуссий и толкований. Она была написана на иврите во II в. до н. э. и входит в группу текстов, которые называют межзаветной литературой.

¹¹ Отсюда выражение «гробы повапленные» (то есть «побеленные гробницы»), которым Иисус назвал фарисеев, имея в виду, что они чисты снаружи, но нечисты внутри.

мытари, пастухи, врачи, мясники... Повсюду увеличилось число различий, и это дробление угрожало основам единства еврейского народа.

Ессеи – и те, которые жили в деревнях, и те, которые обитали в маленьком квартале на юге Иерусалима, и те, кто поселился на пустынной скале Кумран, – ненавидели отказавшихся присоединиться к ним евреев, ненавидели язычников, осуждали оскверненную службу в Храме Иерусалима, но при этом проявляли еще большую привязанность к очистительным обрядам и купанию, чем их противники фарисеи. Доводя до логического конца идею разделения, после того как в 152 г. до н. э. был низложен Симон, сын Онии III, из законной линии Садока (первосвященника времени Соломона), они жили по принципу автаркии, то есть стараясь как можно меньше зависеть от внешнего мира, вокруг своего почитаемого Учителя праведности¹². По Иосифу Флавию, эти сектанты делились на четыре касты.

Если член высшей касты по своей оплошности касался члена низшей, то должен был срочно омыться. Они ожидали восстановления духовно возрожденного Храма, который ускользнет из рук первосвященников-узурпаторов, и настаивали на единственном культовом обряде, который у них остался, – на омовении водой⁵⁴.

¹² Отец Эмиль Пюэш отождествляет этого Симона с Учителем праведности, и это самая вероятная гипотеза.

Новый обряд

Крещение Иоанна имеет иное значение. Это очищающий и объединяющий ритуал, который не имел предшественников в иудаизме⁵⁵. Он отделяет не священное от мирского, а хорошее от плохого, нравственное от безнравственного. Таким образом, он имел своей целью сохранить внутреннюю чистоту, святость. В отличие от омовения крещение было торжественным провозглашением веры. Этот коллективный обряд, выполняемый один раз и навсегда, утверждал обращение в веру. Иоанн был купающим священнослужителем, и он был единственный такой. Его жест был знаком его авторитета. Крещение совершалось через полное погружение в проточную воду родника или реки или в более обильные, но илистые и загрязненные воды Иордана. Тот, кто выходил на берег, омываемый струями воды, стекавшей с его тела, возрождался; он был похож на только что созданное творение Бога и был готов встретить последние дни, которые уже близки. Он совершал обряд перехода, вступления в эсхатологическую общину, которая уже не была общиной детей Израиля.

Несомненно, Иоанн был не единственным, кто вел такой образ жизни. Время от времени какой-либо благочестивый еврей покидал населенные места и удалялся в пустыню. Иосиф Флавий, представитель следующего поколения, рассказывает, что после того, как к 16 годам узнал на опыте три основные религиозные партии своего времени: фарисеев, саддукеев и ессеев, он последовал за Баннусом, «который жил в пустыне, одежду себе находя на деревьях, а пищу – там, где ее произвела природа, и часто днем и ночью обливаясь холодной водой для очищения»⁵⁶ (Жизнь Иосифа Флавия. 2. 11). Но ни один из этих вегетарианских отшельников не крестил.

Лишь после смерти Иоанна быстро начинают распространяться баптистские секты: баптисты, купающиеся утром, гемеробаптисты (баптисты, практиковавшие омовение повседневно), назареи, сабии, масботеи. В дальнейшем они будут сосуществовать с первыми христианскими общинами Востока. Не говоря о христианских сектах баптистов, возникших во время протестантской Реформации, некоторые небольшие группы таких сектантов до сих пор существуют в Южном Ираке и Иране, например мандеи, примкнувшие к этой традиции позже.

Чтобы привлечь все больше последователей, Иоанн передвигается вдоль Иордана. Повсюду он завоевывает симпатии: группа крещеных людей не была организованной сектой, не стремилась ни к каким политическим переменам. Иоанн не призывает к свержению римской власти, не поднимает массы против захватчиков и тех, кто сотрудничал с ними, против первосвященников и саддукеев. Его деятельность, исключительно моральная и духовная, была направлена на внутреннее обновление, милосердие, помощь бедным. После крещения его последователи возвращались к своим обычным занятиям. Тем не менее небольшая группа энтузиастов постоянно следовала за ним. Он учил их поститься, вести аскетический образ жизни и давал им «несколько образцов молитвы, типовую молитву, такую, какой потом станет «Отче наш» для христиан»⁵⁷.

Иоанн не являет никаких «знамений», никаких чудес, не совершает чудесных исцелений. В отличие от апокалиптического движения, которое просматривается в древнем иудаизме, он не оставил никаких сочинений. Интересно, что он говорит о скором приходе того, кто превосходит его, кто «гораздо сильнее». Кем будет этот загадочный пришелец, он не поясняет. Будет это ангел, архангел, военачальник или новый первосвященник? Может быть, это царственный мессия или мессия-священник? Или потомок Давида? Не пророк ли, возвещающий конец времен, который будет выступать наместником Господа? Или это будет тот странный Сын Человеческий, о котором говорится в Книге Даниила, написанной во II в. до и. э.? А знает ли сам Иоанн, кто это будет? «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня;

я не достоин понести обувь Его»⁵⁸ (Мф., 3: 11). Самое удивительное сравнение. В раввинской литературе это унижительная работа, которую обычно исполняли рабы-неевреи. Учителя иудаизма могли бы попросить своих учеников о разных вещах, но не об этом. Однако Креститель наделяет «Идущего за ним»⁵⁹ таким превосходством над этими учителями, что счел бы для себя честью выполнить такую работу для него, если бы не чувствовал себя недостойным⁶⁰.

По собственному желанию он ограничивает свою роль, ожидая этого эсхатологического персонажа, предназначенного Всевышним крестить уже не водой, но Святым Духом. Обряд Иоанна является только промежуточной ступенью к Его обряду, это крещение ожидающих, его одного недостаточно. Вода приносит в земную жизнь только чистоту, а Дух принесет жизнь вечную. Иоанн знает, что в истории Спасения он лишь вестник, Предтеча, чье предназначение – открыть сердца и подготовить путь. Евангелист Иоанн пишет: «Сам он не был Светом, но пришел, чтобы свидетельствовать о Свете»⁶¹ (Ин., 1: 8)

Был ли Иоанн Креститель ессеем?

В 1955 г., через несколько лет после сенсационного открытия рукописей Мертвого моря, историк Ж. Стайнман считал возможным влияние ессеев на развитие и проповедование Иоанна⁶². Показателен тот факт, что их убежище в Сокока-Кумране находилось всего в пяти часах пути от того места, где он крестил. Как и эти странные отшельники, одетые в белое, Иоанн отвергал обычный образ жизни евреев и святость Храма. Как они, он считал, что народ Израиля сбился с пути и что только люди, живущие в чистоте, будут спасены. И, как ессеи, он проповедовал близкое пришествие царства мессии, он вместе с ними считал духовным подвигом уход в пустыню.

Не напоминает ли крещение Иоанна практикование этими сектантами ритуального омовления? Даже их пищевые привычки, кажется, были одинаковы. Он питался, как мы уже писали, саранчой. Между тем в одном из сочинений ессейской секты, «Дамасском документе» (глава XII, стихи 14 и 15), особо говорится о том, что саранчу следует жарить или варить перед употреблением. Иоанн не пил вина. Ессеи тоже не пили его, а пили только тирош, сладкий виноградный сок...

Христианская традиция связывает служение Иоанна со стихами из книги Исаии: «Раздается голос: В пустыне приготовьте путь Господу; выпрямите в необитаемой местности дорогу для нашего Бога» (Ис., 40: 3)⁶³.

Кроме того, было установлено, что ессеи с особым рвением размышляли над книгой этого великого пророка и относили к себе вышеупомянутый отрывок. Подобно Иоанну, они толковали эти строки как призыв удалиться в пустыню, чтобы подготовиться к приходу Всемогущего и ждать исполнения приговора огнем (Ис., 66: 16)⁶⁴.

В конечном счете Стайнман видел в Крестителе не ортодоксального последователя, а «диссидента ессеев». В этом случае Иоанн был «в значительной степени ознакомлен с их монашеской жизнью, с методами толкования священных текстов, принятыми в их Общине, и с действовавшими в ней правилами аскезы» прежде, чем отказался от части их принципов. Даниель-Ропс, кардинал Жан Даниэлу и отец Баргиль Пикснер также зачисляли его «в сферу влияния ессейства»⁶⁵.

Историки отказались от этой точки зрения, которую приняли в эйфории после открытия рукописей Мертвого моря. На самом деле различия тут важнее, чем сходства. Иоанн не был приверженцем постоянных омовлений в течение дня, которые, по мнению ессеев, означали, что человек принадлежит к группе избранных. Кроме того, он проповедовал для всех. Искать связь Иоанна с сектантами Мертвого моря рискованно. Если он и побывал в Сокока-Кумране перед тем, как начал пророчествовать, мы должны признать, что у него не осталось никаких воспоминаний об этом...

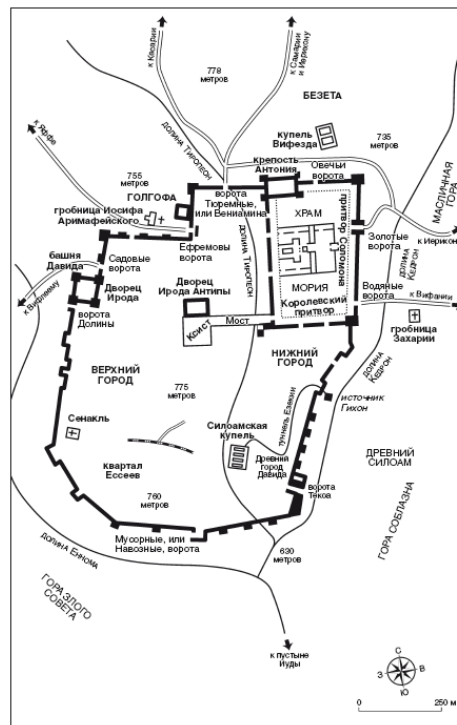
Интереснее проанализировать ошеломляющий успех Иоанна Предтечи. Он во многом объясняется особой ситуацией в стране в ту эпоху. Витавшие в воздухе идеи питали в душах людей страстное ожидание обновления; они знали, что оно, несомненно, произойдет, но слабо различали его очертания. Как ни парадоксально, волосатый и громогласный поборник справедливости, чья манера говорить была туманной и тяжеловесной, был выразителем этой величайшей изумительной надежды...

Глава 2

Политический кризис и мессианские ожидания

Евреи и греческий мир

В античном мире «потомки Авраама» представляли собой обособленный народ. От 5 до 6 миллионов из них обосновались за пределами Палестины¹³. Такова была диаспора, которая возникла задолго до двух разграблений Иерусалима Навуходоносором (598–586 до н. э.) и Великого переселения вдоль берегов Евфрата. Войны, смешение народов, развитие торговых связей в пределах греко-римского мира, способствующее объединению культур, объясняют размах этой колонизации. В Риме, возможно, насчитывалось 50 тысяч евреев из 800 тысяч жителей; в Коринфе, Антиохии и особенно Александрии, куда еврейские иммигранты прибывали мощным потоком с конца IV в. до и. э., были обширные еврейские кварталы.

Иерусалим во времена Иисуса

Эти люди забыли иврит или арамейский, говорили на греческом языке и верили в единого Бога. Их монотеистическая вера, провозглашенная пророками Израиля и ревниво исключаящая возможность языческих верований, имела абсолютную власть над людьми Завета, которые считали себя единственными носителями ни с чем не сравнимого откровения, и неразрывно связывала их религиозную и общественную жизнь. Чтобы обеспечить их верность, Рим при-

¹³ Это слово сначала применяли греки, но в более узком смысле, обозначая им «страну филистимлян» (по-древнееврейски «Пелешет»), а затем позаимствовали у них римляне. Оно не встречается в Писании, но начиная со второй половины I в. н. э., стало обычным обозначением библейской страны в широком смысле этого понятия – земель по обе стороны Иордана. Во II в. этот край стал римской провинцией Сирия-Палестина. В дни, когда ее размер был наибольшим, ее площадь не превышала 20 000 кв. км.

знал особый статус евреев, предоставив им значительные льготы. Евреи были освобождены от обязанности поклоняться местным богам, а также (из-за Шаббата и пищевых запретов) от воинской службы. Им была дана собственная администрация по вопросам культа, им было разрешено молиться в их синагогах (kippereth на иврите, «собрание», «собрание молящихся»), продавать «кошерные» продукты и собирать ежегодный налог – 2 драхмы – на восстановление и содержание Храма. Некоторые, как отец Савла из Тарса, приобретали статус «римского гражданина».

В Палестине насчитывалось от миллиона до полутора миллионов жителей, но демографическая ситуация в ее областях не была одинаковой. Ее южная часть, экономически бедная и суровая Иудея, сердце старинного Иудейского царства, была наиболее однородной. Будучи землей «сыновей Давида» по преимуществу, получала все преимущества от обладания Иерусалимом, с его Храмом, единственным местом, где ЙаХВе¹⁴ пребывал среди своего народа и ему приносили в жертву животных.

Он (Иерусалим. – *Ред.*) был выбран в качестве столицы Давидом, а Соломон, сын Давида, построил там Первый храм. Иерусалим, живший в основном за счет этого величественного здания, был центром высокомерной теократии, душой которой было высшее священство, и в первую очередь великие первосвященники, которые получали святое помазание, как прежде цари Израиля, и отвечали за применение Божественного закона. Сильно эллинизированные евреи диаспоры приезжали сюда на время больших праздников и останавливались в городе на постоянных дворах при синагогах. Закон обязывал всех евреев посещать Храм три раза в год, на Пасху (Песах, празднование Исхода Божьего народа из Египта), Пятидесятницу (Шавуот, праздник в память о даровании Закона на горе Синай, отмечается через пятьдесят дней после Пасхи) и Праздник кущей (Суккот, в начале осени, славящий приход Бога в пустыню). Но среди них было мало верующих, строго соблюдавших это правило. Большинство посещали Святой город только один или два раза в год. Наиболее священным праздником была Пасха, самым посещаемым – Пятидесятница, а самым радостным – Праздник кущей.

В центре находилась Самария – область с этнически разнородным населением. Она стала такой с тех пор, как ассирийский царь Саргон II в VIII в. до н. э. переселил в эти места много людей из разных народов. Языческое поклонение идолам смешивалось здесь с культом ЙаХВе. После того как Кир II Великий, основатель Персидской империи, позволил иудеям вернуться из изгнания, некоторые из евреев учинили религиозный раскол и построили на возвышавшейся над столицей Самарии, Сихемом, горе Гаризим (868 м) храм – соперник Иерусалимского. Их храм был стерт с лица земли в 128 г. до н. э. Иоанном Гирканом, первосвященником Иерусалима и князем еврейского народа, но восстановлен самаритянами, стремившимися поклоняться Богу на этой горе, которую они считали священной. Иудеи считали этих людей еретиками, «одержимыми демоном». «Кусок хлеба, данный самаритянином, более нечист, чем мясо свиньи», – гласит распространенная поговорка. Самаритяне в той же мере ненавидели иудеев. Они плевали в иудеев, когда те проходили по их земле, так что иудеи, направляясь в Галилею, предпочитали обходной путь по негостеприимной долине Иордана.

На севере Галилея, название которой происходит от еврейского *guelil-al-goyn* (Круг язычников, или Галилея язычников), тоже имела бурную историю. Ее жители имели смешанное происхождение: в них смешалась кровь иудеев, итурейцев, ассирийцев, вавилонян, греков. Долгое время считалось, что население этого края исповедовало иудаизм с наклоном к универсализму, но совсем недавно археологи установили, что Галилея была скорее еврейской,

¹⁴ Я х в е – имя, которым Бог сам назвал себя Моисею в горящем кусте; оно записывается четырьмя буквами YHWH. Корень этого имени происходит от слова *yihēie*, третьего лица древнееврейского глагола *hayah* (быть). Слова Бога переводят как «Я Тот, кто есть» или «Я Тот, кто есмь». Бог в Библии предстает Несотворенным Существом, которое превышает всей вечности, Существом в высшей степени. Вместо этих четырех букв, которые евреям не положено произносить, они говорят «Адонай», что значит «Господь». (Соединение этих двух имен дало имя Иегова.)

чем эллинизированной (правда, неудобно противопоставлять две настолько связанные культуры). Между галилейскими и иудейскими евреями всегда существовало значительное культурное сходство: так, в обеих провинциях отмечается присутствие *mikvoat* в домах, каменных чаш для омовений и керамики с абстрактными изображениями. Похоронные обычаи также были одинаковы. В отличие от самаритян жители Галилеи были верны культу Иерусалимского храма и приходили в него на великие праздники⁶⁶.

Во II в. до и. э. Палестина стала предметом вождения двух соперничающих эллинистических династий, которые возникли при разделе империи Александра между его военачальниками – египетскими царями Птолеями и сирийскими царями Селевкидами. Она была захвачена Египетской династией и находилась под властью царей Египта в период от Птолемея II до Птолемея IV (310–200 до и. э.), затем попала под власть Селевкидов в 200 г. до н. э., но при обеих династиях имела привилегию самоуправления под властью первосвященника. Существование влиятельной еврейской эллинизированной элиты побудило первосвященника Ясона просить у царя Антиоха IV Эпифана разрешения сделать Иерусалим греческим городом. Его поступок имел большой успех среди правящей элиты, но вызвал недовольство, а затем гнев традиционалистов, которых, в частности, возмутило создание в городе гимназии. Когда Ясон был смещен и в сан первосвященника был возведен его более радикальный соперник Менелай, закономерно возник вопрос, не находится ли в опасности сама религия (172 до и. э.). Поскольку эти события сопровождались повышением налогов, собираемых в пользу царя, многие евреи бежали в пустыню и подняли мятеж. Это движение достигло большого размаха, когда сопротивление стало организованным. Это произошло на Иудейских холмах, а собрались восставшие вокруг священника Маттафия и его сына, энергичного и свирепого Иуды по прозвищу Маккавей, что значит «молот» (около 170 до и. э.). Ситуация стала настолько напряженной, что царь Антиох IV был вынужден послать войска для восстановления порядка. Попытка оказалась безуспешной. Тогда монарх решил прибегнуть к крайней, неслыханной мере: так как оба лагеря, «эллинисты» и благочестивые евреи, сражались во имя Закона, Антиох своим указом запретил его исполнение (168 до и. э.). Именно этот указ обычно называют «запрещающим эдиктом». Его следствием стала радикализация восстания и, без сомнения, те ужасы в стране, о которых рассказано главным образом в двух Книгах Маккавейских. Осквернение Храма посвящением его Зевсу Олимпийцу было лишь самым ярким эпизодом жестоких притеснений. Тем не менее с декабря 165 г. Храм был освобожден Маккавеями и снова посвящен еврейскому культу. Весной 163 г. начались переговоры евреев с новым царем, Антиохом V.

Хотя военные операции были затяжными и сложными, евреи постепенно завоевывали себе независимость. Ионафан, брат и преемник Иуды (убитого в 160 г. до н. э.), закрепился в Иерусалиме не позднее 152 г. В 142 г. Симеон изгнал последние греческие отряды из Иерусалима. При Иоанне Гаркане (134–104), сыне Симеона, стал очевиден династический характер этой последовательности государей-первосвященников из рода Хасмонеев, правителей-экспансионистов, которые распространили свою власть на соседние области и сделали обрезание обязательным для их жителей, в частности для кочевников из Идумеи, области на границе негевских степей (126 до и. э.). Они действовали нетерпимо, устанавливая везде строгое соблюдение Закона, хотя в то же время перенимали для организации и управления нового государства черты, позаимствованные у эллинистических царств. Аристокл I (104–100 до и. э.), первый из них, кто носил титул «василевс», сам себя назвал правителем-филэллином, что значит «любитель всего греческого». В их правление снова начались разногласия. Выступая против их сомнительного национализма, фарисеи упрекали их в отсутствии благочестия, безнравственности и насилии. Первосвященник из рода Хасмонеев, авторитарный и любивший роскошь Александр Яннай (106–76 до и. э.), казнил их тысячами. Его два сына, воистину братья-враги, Гиркан II и Аристокл II, опустошили свою страну⁶⁷.

Тяжесть римского господства

Обе партии звали на помощь Рим. И Рим, который вел политику внешних завоеваний под руководством триумвиров Цезаря, Помпея и Красса, поспешил вмешаться. Стремясь положить конец бичу Средиземноморья – пиратству и разбою, с которыми была не в силах справиться расколота династия соперничавших между собой Селевкидов, Помпей в 64 г. до н. э. захватил Сирию, а в следующем году овладел Иерусалимом после трех месяцев осады. Он преобразовал остатки Селевкидского царства в римскую провинцию, а еврейское царство и соседние с этим царством небольшие арабские княжества сделал зависимыми от Рима царствами. Хасмоней Гиркан II только символически сохранил часть

Иудеи вместе с титулом этнарха и первосвященника. Настоящей властью обладал идумейский еврей, человек, имевший большой опыт контактов с римлянами, – Антипатр. Таким образом, Риму удалось обеспечить свои кладовые египетским зерном, собрать новые налоги и улучшить свое снабжение.

Ввиду новых проблем, нарушавших покой этого региона, главной из которых было вторжение парфян во всю Сирию, сын Антипатра, Ирод, долгое время помогавший отцу в его делах, получил от пришедших в этом случае к согласию Марка Антония и Октавиана титул царя Иудеи и отправился завоевывать свое царство. Это произошло в 40 г. до н. э. В 38 г. вся Палестина (Иудея, Иерея, Самария, Галилея) лежала у его ног. Единственный очаг сопротивления, Иерусалим, удерживаемый царьком, состоявшим на жалованье у парфян, в итоге сдался в следующем году. Несколькими годами позднее, около 23–27 гг. до н. э., Август увеличил свое царство, присоединив обширные территории на юге Сирии (страну Голан, Итурею, Батанею, Трахонитиду, Хоран).

Ирод получил прозвище Великий. Этот верный слуга Рима не был иудеем. Его отец, Антипатр, происходил из южных степей, из Идумеи. Его мать, Кипрос, была арабкой-набатейкой из-за Иордана. Даже после обрезания его не считали подлинным евреем. Чтобы быть признанным своими подданными, он женился на хасмонейской принцессе, Мириам, внучке Гиркана II. Не имея возможности из-за своего происхождения носить высокочтимый сан первосвященника, он доверял этот сан своим марионеткам или подставным лицам, людям продажным, ограничивая при этом их область действия и ослабляя влиятельные саддукейские семьи. Из-за этого возникло сильное недовольство среди благочестивых евреев, особенно фарисеев. Утрата евреями религиозности была еще сильнее из-за того, что обстановка в стране, как им казалось, неотвратимо ухудшалась.

Укрепив свою власть под протекторатом Антония, а затем Октавиана (которому римский сенат в 27 г. до н. э. присвоил имя Август), Ирод, отважный воин, умелый дипломат, правитель и великий государь-строитель, постепенно превратился в жестокого и кровавого тирана. В его царстве установились полицейский режим и атмосфера подозрительности. Склонный к садизму и психологически неуравновешенный, он то творил жестокие расправы, то испытывал припадки безумия и повсюду видел заговоры. Он обезглавил Гиркана II и казнил таким же образом многих своих родственников, в том числе хасмонейку Мариам, единственную из десяти своих жен, которую он страстно любил (и велел обезглавить по обвинению в неверности), свою тещу Александру и троих из своих сыновей, Александра, Аристубула и Антипатра, не говоря уже о многих офицерах своей охраны и противниках – фарисеях. Предчувствуя смерть, он приказал своей сестре Саломее умертвить всех знатных иудеев, собравшихся в Иерихоне, «чтобы заставить народ, который его не любит, надеть траур». По счастливой случайности приказ не был выполнен...

После его кончины, случившейся в его зимнем дворце в Иерихоне 1 апреля 4 г. до н. э.¹⁵, начались сильные беспорядки, зачинщиками которых были раб Симон и пастух Атронгес. Август, желая проверить, способны ли наследники царя управлять этим сложным государством, разделил царство на части. Центральную часть, то есть Идумею, Иудею и Самарию, он передал сыну Ирода, восемнадцатилетнему Архелаю, дал ему титул этнарха и обещал царскую корону, если тот покажет себя достойным ее. Остальная часть страны была разделена на две тетрархии. Первая, куда вошли Галилея и Перея, была доверена Ироду Антипе, сыну Ирода Великого и Малтаки, его жены-самаритянки. Другая часть, а именно Итурея и Трахонитида (к востоку от Генисаретского озера), была передана его сводному брату Филиппу, сыну Клеопатры Иерусалимской. Эти княжества, со своими местными структурами, своими солдатами, своими чиновниками и сборщиками налогов, а в области религии также храмовая знать, писцы и первосвященник, были подчинены *imperium romanum*¹⁶, как до этого – царство Ирода Великого. Эта система действовала через клиентские связи и подчинение. На востоке, в Трансиордании и в Сирии, девять городов были в основном греческими (Дамаск, Каната, Гиппос, Гераса, она же Джараш, Пелла, Гадара, Филадельфия, Рафана, Дион).

Вместе с Бейт-Шеаном, переименованным в Скифополь, городом к западу от Иордана, они со времен Помпея составляли неофициальную группу городов-государств, носившую название Декаполис (Десятиградье). Евреи в них были только меньшинством. Даже пылкому и неукротимому Александру Яннаю не удалось их подчинить.

Неумелое правление Архелая, который, согласно Иосифу Флавия, вверг народ в «нищету и предельную несправедливость», было осуждено перед Августом приехавшей в Рим делегацией иудеев и самаритян. Еще большее возмущение подданных вызвала его женитьба на каппадокийской принцессе, побывавшей до этого замужем дважды. Начались мятежи, два первосвященника были смещены один за другим. Император не медлил. В 6 г. н. э. он лишил Архелая своей благосклонности, конфисковал его имущество и отправил в изгнание в Галлию, в город Вену. Иудея, Идумея и Самария потеряли автономию и были переведены под непосредственное управление римских властей. Они стали округом римской провинции Сирия, и управлять этим округом стал префект из сословия всадников, которого опекал легат. Перепись, организованная легатом Квиринием с целью сбора налогов, спровоцировала новое восстание под руководством Иуды Галилеянина, учителя Закона (на самом деле он был родом из Гамалы в Голане). Для благочестивых евреев того времени желание пересчитать людей было нестерпимым знаком рабства, противным воле ИаХВе, хозяина страны и ее обитателей. Легат Квириний Вар безжалостно расправился с мятежниками, распяв две тысячи из них. С 26 г. н. э. префектом был Pontius Pilatus – Понтий Пилат. Обычно он жил в новой административной столице Иудеи, Кесарии морской, эллинизированном городе, где евреи составляли меньшинство.

Беспорядки затихли. В царствование Тиберия с 14 по 37 г. на Ближнем Востоке было спокойно («Sub Tiberio quies» – говорит Тацит в своей обычной лаконичной манере, «При Тиберии все было спокойно»). Не было ни крупных вооруженных восстаний, ни массовых казней мятежников или повстанцев. Время, когда этими землями управляли префекты и два зависимых правителя из семьи Ирода, Антипа и Филипп, было временем стабильности, Рах гомана, хотя огонь и тлеет под пеплом.

¹⁵ Место, где находилась гробница Ирода Великого, было обнаружено в мае 2007 г. израильскими археологами к юго-востоку от Вифлеема, на северо-восточном склоне искусственной горы, на которой стоял его дворец Иродион, на половине высоты холма.

¹⁶ Верховная власть Рима.

Мир в кризисе?

Не будучи процветающей, экономика Палестины благодаря природным богатствам страны и упорству ее жителей была благополучной, но ее плодами пользовались лишь немногие. Мир «маленьких людей», стоявших ниже класса крупных собственников и жреческой аристократии, – мир крестьян, рыбаков, пастухов, обрезчиков виноградной лозы, гончаров, ткачей, кузнецов, носильщиков и т. д. – жил обычно бедно, поскольку налоговый гнет хлестал по ним, словно кнут, во всю свою силу.

Римляне действительно ввели в Иудее земельный налог (*tributum soli*), рассчитываемый на основании урожая, и подушную подать (*tributum capitis*), которую рассчитывали на основании численности населения и доходов от движимого имущества. К этому добавлялись налог на соль или налог с продаж, патенты, *portorium* – право таможенного сбора или дорожной пошлины за транспортировку товаров, сельскохозяйственная повинность (*angaria*) и платежи в пользу армии. В этой ситуации не было ничего необычного: такова была судьба всех римских провинций. Но у Палестины была одна особенность: там существовали еще и религиозные налоги: сбор в пользу Храма (*shekalim*, взимаемый по месту жительства), первая десятина (в пользу левитов), поставка леса, доля из первых плодов... Это были довольно тяжелые повинности.

Некоторые историки считают, что это было время тяжелого экономического и социального кризиса. Доказательствами их правоты были бы обнищание населения, искоренение крестьянского уклада жизни, отказ от больных, прокаженных и подобных им людей. Исследователи, такие как Джон Доминик Кроссан или Марианна Сависки, говорили даже о «классовой борьбе» и «рабочих классах» – совершенно неподходящие понятия для аграрного античного общества!⁶⁸ Герд Тайсен полностью отвергает предположение, что нищета становилась всеобщей, но делает вывод о реальности кризиса. Подход других исследователей, например Шона Фрейна, более взвешенный. Еще одна группа ученых, например, датчанин Мортен Йенсен, написавший в 2006 г. выдающуюся монографию об Ироде Антипе в Галилее, вообще не верят в кризис⁶⁹.

В любом случае если кризис и был, то не политический. Между двумя периодами сильнейших возмущений, временем после свержения Архелая (6 и. э.) и первым этапом Иудейской войны (66), не было никаких серьезных мятежей ни среди сельского населения, ни среди городского. Без сомнений, ситуация, в которой находились жители, не была идиллической. «Прекрасны дочери Израиля, – говорил один раввин того времени, – жаль, что бедность их уродует!» Перенаселенность подталкивала к поиску новых земель, прежде всего в долине Иордана. Но не случалось ни засух, ни ураганов, ни эпидемий, как было в I в. до н. э. Так обстояли дела во времена Иисуса. Только в 46–48 гг. н. э. разразился экономический кризис, хотя бы отчасти объяснявший социальную и политическую напряженность, которая привела к национальной катастрофе 70 г. Говоря об этом, Евангелия и Иосиф Флавий упоминают о шайках разбойников, беспокоивших сельские местности. Эти разбойники жили в пещерах, грабили путешественников, разграбляли рынки и требовали выкуп с тех, кто владел собственностью. Но сельская местность всегда была такой – небезопасной, опасность лишь становилась больше или меньше.

Самым тревожным – так как оно являлось показателем глубинной нестабильности – было психологическое состояние населения в обществе, полностью основанном на Торе¹⁷. Вот где был настоящий кризис. Завоеватели, опираясь, с одной стороны, на полуинострannую

¹⁷ В широком смысле слова Тора – это Писанный закон: Пятикнижие (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие), а также книги Пророков и различные книги, входящие в еврейское Священное Писание.

династию Ирода, а с другой – на первосвященников и саддукейскую аристократию, занялись внедрением в общество традиций греко-латинской цивилизации. Несомненно, быстрая урбанизация, передвижение работников по стране, усиление торгового обмена, распространение греческого языка, который был языком управления и деловых операций, расшатали унаследованные от предков принципы равновесия, существовавшие в аграрном обществе, разрушая деревенскую солидарность.

Как можно отрицать существование напряженности между сельской, традиционной Галилеей и Галилеей городской, эллинизированной, где устанавливалась рыночная экономика, которая неизбежно распространялась и во внутренние районы страны? Одни системы ценностей и культурные стандарты противоречили другим, и их противостояние становилось питательной средой для волнений местного масштаба.

Однако не стоит преувеличивать значимость этого. Как показал на многочисленных примерах немецкий ученый Мартин Хенгель, иудаизм в I в. н. э. был поистине эллинизированным⁷⁰.

«В документах той эпохи, – делает вывод историк Мартин Гудман, – нет никаких подтверждений структурного конфликта между иудаизмом и эллинизмом в эпоху Христа»⁷¹. Зато контакты с иностранцами смягчали нравы, в ущерб иудейской вере. Вот в чем был соблазн и позор поведения правителей из династии Ирода. «После двухвекового перерыва, – отмечает Морис Сартр, – мы снова сталкиваемся с явлением, наблюдавшимся в период восстания Маккавеев: как благочестивые евреи могли понять одного из своих, если он утверждал, что остается евреем, и в то же время постоянно ходил в гости к грекам и римлянам, ел с ними, приходил к ним во дворцы, принимал их в своем доме, строил храмы для их (ложных) богов и здания, где давались представления для иностранцев, посещал термы, где на тронах восседают Гермес, Геракл и многие другие идолы?»⁷²

В любой момент еврейский патриотизм и эсхатологические ожидания, связанные с верой Израиля, могли стать гремучей смесью. Религиозные чувства, обострившиеся оттого, что их легко оскорбляли римляне, были, можно сказать, на взводе. Об этом свидетельствуют события в 39–40 гг. н. э., когда едва не началось восстание из-за того, что император Гай Калигула, племянник и преемник Тиберия, хотел установить собственную статую в иерусалимском Храме. Короче говоря, возникло желание обновления. Жажда спасения смешалась со стремлением к лучшим временам, и именно этим великим политико-религиозным брожением умов объясняется успех движения крестившихся.

Мессианские стремления

В IV и III вв. до и. э. еврейские авторы мессианского и апокалипсического толка питали надежду на Мессию, благодаря которому Израиль восторжествует над другими нациями. Это ожидание, неясное и изменчивое, было, следовательно, очень давним, хотя и не всегда было сердцевинной еврейской религии. Кто такой Мессия? Это слово происходит от арамейского *mehiha* и еврейского *meshiah*, а эти слова означают «помазанник», тот, кто получил Божественное помазание маслом, освящающим царя или первосвященника. Греческий перевод этого слова – *christos* (от *chrion*, «помазать»), *Christ* по-французски.

Пророк Исаия и многие другие ожидали, что один из потомков Иессея, отца Давида, возродит царский мессианизм во всем его блеске:

И произойдет отрасль от корня Иессеева,
и ветвь произрастет от корня его⁷³.

Давид и его потомки, которые правили страной Иудеи с 1000 г. примерно по 587 г. до н. э., считались избранниками ЙаХВе, спасителями народа. Несмотря на разочарование, вызванное несколькими плохими царями в VIII в. до и. э., евреи продолжали тосковать по временам, предшествовавшим изгнанию, и ждали появления наследника этой почитаемой династии, который установит бы царство справедливости и мира. В Книге Самуила сказано, что Бог будет относиться к этому наследнику как к Своему сыну⁷⁴. В псалме 2 есть даже намек, что этот наследник будет порожден Им. Похоже, что вначале эти тексты говорили о каком-то исторически существовавшем царе или даже о собирательном образе, но в итоге их стали толковать как указания на человека, который появится в будущем⁷⁵. Но ожидание воцарения этого «лучшего Советника» угасло само по себе, и его приход был отодвинут в туманное будущее. Многие евреи больше в него не верили.

Неумелость хасмонейских царей, законность которых никогда не была полностью подтверждена, растущая эллинизация Палестины, насильственное включение палестинского иудаизма в сферу римского политического влияния и надежда народа на национальное освобождение способствовали возрождению старых ожиданий⁷⁶. Евреи снова стали внимательно вчитываться в пророческие тексты Библии, такие как Исаия (11: 10) («И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, – и покой его будет слава...») и Иеремия (33: 15) («Возращу Давиду Отрасль праведную, и будет производить суд и правду на земле»). До открытия рукописей Мертвого моря было мало известно о еврейских надеждах того времени. Но эти тексты ессейской общины Сокока-Кумран возвещают будущий приход нескольких вождей мессианского типа, описания которых иногда расплывчаты или противоречивы. Сначала должен явиться пророк – Пророк в наивысшем смысле этого слова, который будет толкователем Закона. В Уставе общины он не обозначен как *mashiah*, но в других текстах он «помазанник». Он предшествует двум Мессиям. Первый, Мессия Израиля, называемый также Избранником, произойдет от восьмого сына Иессея, иначе говоря, от Давида. Это будет Князь Собраний, который станет исполнять преимущественно гражданские и военные обязанности; он спасет Израиль, истребит его врагов и получит от Бога трон славы. Вторым будет Священник, или Мессия Аарона. Идеальный первосвященник, помазанник Божий, он будет иметь больше влияния, чем Мессия Израиля, потому что возведет Мессию Израиля на престол. Мессия Аарона соберет воедино святой народ и сделает так, что народ станет жить в мире; затем он возглавит последний пир Общины, пир конца времен. То «парное» мессианство двух глав народа, которое мы находим у ессеев, упоминается в некоторых

библейских книгах (Иеремии, Иезекииля, Захарии, Даниила) и в книгах околобиблейских, таких как Завет Левия и Завет Иуды, сочиненный в межзаветный период и вошедший в Заветы двенадцати патриархов.

Иногда в еврейской литературе II и I вв. до н. э. появляется другой загадочный образ. Это наполовину человек, наполовину небожитель, исполнитель Божественной воли, Мельхиседек, первосвященник и царь Салима, который, согласно Бытию, благословил Авраама за победу, данную ему Богом⁷⁷. В конце времен, после его (Мельхиседека. – *Пер.*) победы над Велиалом, предводителем демонов, на него будет возложена роль посредника и собирателя праведников. Праведники, иначе говоря, Сыны света, отобранные из колен Левия, Иуды и Вениамина, увидят исчезновение Царства теней и рождение нового творения, очищенного духом истины. Одно из сочинений секты, Свиток войны, рассказывает о грядущей последней битве и поражении слуг Велиала, ангела Теней, также называемого Мелкиреша. О найденном в кумранской пещере № 4 отрывке текста на папирусе, написанного на арамейском языке, писали много. Некоторые исследователи датируют его 25 г. до н. э., и он говорит о ком-то, кто «будет назван Сыном Бога и [кого] назовут Сыном Всевышнего»⁷⁸. Американец Джон Дж. Коллинз, профессор Йельского университета, толкует этот текст с мессианской точки зрения, другие считают, что речь идет об Антихристе, который занимает место Бога, трети – о сыне и наследнике еврейского царя⁷⁹.

Фарисейская литература того времени также свидетельствует об ожидании мессии⁸⁰. В отличие от ессеев фарисеи считали, что, поскольку в Храме уже есть законные служители, нет оснований ожидать нового первосвященника, и сосредоточили свое внимание на предсказанном Исаией отпрыске царского рода Давида. Поэтому их раздражали мессианские претензии последних хасмонеев. Разве Александр Яннай, первосвященник, который принял титул царя, не чеканил монеты со звездой, как позже, во II в. н. э., делал ложный мессия Шимон Бар-Кохба, «сын звезды»? Семнадцатый из Псалмов Соломона (написанный около 63 г. до н. э., после взятия Иерусалима Помпеем) представляет грядущего Мессию как помазанника Господа, призванного собрать святой народ и восстановить потерянное царство Израиля⁸¹: «Призри на них, Господи, и восставь им царя их, сына Давидова, в тот час, который Ты знаешь, Боже, да царит он над Израилем, отроком Твоим. И препояшь его силою поражать правителей неправедных. Да очистит он Иерусалим от язычников, топчущих город на погибель...» В 4-й Книге Ездры, составленной немного после 70 г. н. э., сказано о Сыне Бога («Мой Сын, Мессия»), который родится от семени Давида, покарает своих врагов и будет править 400 лет, вплоть до своей смерти. Этот Мессия – небожитель, который поднимается с моря и летает над облаками. Такой Мессия-мститель, «один из святых ангелов», появляется и в притчах Еноха. Следует отметить, что ни один из этих текстов не говорит о Мессии, который приносит себя в жертву для искупления грехов и воскресения мертвых.

Успех и беспокойство

Прошло много месяцев с начала деятельности Иоанна в пустынной области близ Иордана. Он продолжал пользоваться необыкновенным успехом. Его движение не прекращало набирать размах и пользоваться популярностью. К первоначальной маленькой группе ревностных учеников присоединялись любопытные люди, искатели Бога и те, кто разочаровался в традиционном иудаизме. Не обращая внимания на гадюк и кабанов, быстро размножившихся в густых береговых кустарниках, они приходили отовсюду, чтобы Иоанн погрузил их в воды Иордана. Эта популярность была так велика, что вдвойне вызывала беспокойство, так как эти паломники, по словам Иосифа Флавия, казались «крайне восторженными».

Первым забеспокоился Ирод Антипа. Проповедь Иоанна привлекла многих военных и сборщиков податей, служивших на границах Переев. Их соседство с этим ясновидцем было угрозой для Ирода. Если это движение вдруг примет политический характер, что будет с его собственной властью? Сын Ирода Великого был человеком не такого масштаба, как его отец. Ему не хватало уверенности, он был хитрым, коварным, суеверным и слабовольным. Радикальный реформизм отшельника из пустыни не мог вызывать у этого царя ничего, кроме беспокойства. Чем дольше царствовал Антипа, тем больше он отдалялся от норм и традиций иудаизма. Он, конечно, продолжал посылать дары Храму и не дерзал чеканить свой профиль на монетах, но без колебаний построил свой новый город, Тверию, на месте кладбища, отчего Тверия стала омерзительной для фарисеев и сельских жителей Галилеи. Он украсил свой дворец большими фресками, изображавшими животных, вопреки религиозному запрету на изображения⁸². Короче говоря, этот эллинизированный идумеец, подопечный Рима, царь, чью законность ставили под сомнение, одновременно боялся мятежа народных толп и восхищался Иоанном. Он хотел узнать секрет этого необычного еврейского учителя, чья популярности завидовал. Поэтому он ввел в окружение Иоанна много своих шпионов и осведомителей.

К тревоге царя добавлялась озабоченность религиозных лидеров Иерусалима. Иоанн критиковал, хотя и неявно, Храм как культовое место, поскольку крещение Иоанна заменяло обряды покаяния, проводившиеся в Храме. Ведь каждый год 10-го числа месяца тишри (сентябрь – октябрь) отмечался великий праздник Йом-Кипур, или День Искуплений – день коллективного покаяния. В этот день первосвященник или верховный жрец прогонял в пустыню несчастного козла отпущения, символически нагруженного всеми грехами народа.

Призывая к обращению грешников и особенно совершая обрядовое погружение в воду для прощения нравственных грехов, пророк в звериной коже отделял себя от фарисейского и саддукейского иудаизма. Это было тем более удивительно оттого, что Иоанн сам происходил из среды очень близкой к Храму. Единственный сын Захарии, священника, совершавшего богослужение в восьмую седмицу, и Елизаветы из колена Аарона, он был призван наследовать своему отцу в его священнических обязанностях, жениться и продолжить род. Священники – потомки Аарона были разделены на двадцать четыре чреды по двести-триста человек в каждой. Два раза в год на протяжении полной недели они выполняли священные обязанности божественной службы: воскурять ладан, поддерживать огонь в светильниках, закалывать жертвенных животных... Уход Иоанна в пустыню, его решительный отказ от родительского образа жизни ради бродячего существования были восприняты как серьезное нарушение сыновьего долга, и даже хуже – как дезертирство⁸³.

Влиятельные люди Храма, в широком смысле этих слов, то есть первосвященники, саддукейская знать, писцы, чья деятельность была связана с толкованием Писания, были так обеспокоены успехом Иоанна, что решили отправить к нему делегацию, которой было поручено подробно допросить этого еврея-отступника. Евангелист Иоанн единственный, кто рассказывает об этой миссии, и сведения, которые он приводит, позволяют думать, что он сам был

в составе этой делегации, в качестве члена богатой семьи иерусалимских священников. Возможно, это была его первая встреча со странным иорданским крестителем, с которой, еще до встречи с Иисусом, началось его обращение в новую веру. «Это происходило в Вифании (Вифаваре в синодальном переводе. – *Пер.*), – уточняет он, – при Иордане, где крестил Иоанн»⁸⁴.

Селение Вифания (Бейт-Ананья, «дом фиников») находилось в Южной Перее, на восточном берегу Иордана¹⁸. Существование Вифании засвидетельствовал в 333 г. путешественник, которого называют «паломником из Бордо», но в эпоху Крестовых походов люди ее покинули. Она была заново обнаружена в 1996 г. командой иорданских археологов под руководством Мухаммеда Вахиба из Департамента древностей Аммана.

На телле (холм, курган. – *Ред.*), расположенном вверх по течению, по меньшей мере в 2 км от реки, были обнаружены столбы, остатки стен, керамика и монеты I в., а поблизости от них найдены фундаменты двух церквей более позднего времени, построенных в V в. и посвященных одна Илии, другая Иоанну Крестителю (эта последняя была построена византийским императором Анастасием). Обнаружен также камень, на котором выгравирована надпись IOY BATT – сокращенное написание имени Иоанн Креститель. Немного дальше находились пять бассейнов, вода в которые поступала по сложной гидравлической системе; они свидетельствуют о том, что здесь исполнялся обряд крещения⁸⁵. В пустынной и каменистой местности это место, где соединяются Иордан и маленькая долина Вади-Харрар, представляет собой оазис с пышной растительностью, заросший тамариксами и камышом. Продолжив раскопки, археологи обнаружили здесь следы одиннадцати церквей и часовен, а также пещеры, служившие убежищами отшельникам.

Допрос, который посланцы храмового священства устроили Крестителю, был зафиксирован письменно евангелистом Иоанном и был точен, как официальный протокол, составленный согласно юридическим нормам. В нем отразилась и процедура допроса, принятая у служителей Храма, и их сильная озабоченность религиозными вопросами. Чувствуется, что они обеспокоены мессианскими ожиданиями простого народа и с тревогой спрашивают себя, кто на самом деле этот предполагаемый пророк, который с ними соперничает. Какую роль он берет на себя? Какое место ему отвести среди многих предвестников эсхатологической эры?

Иоанн не причисляет себя ни к последователям какого-либо учителя-раввина, ни к традиции Закона, писцов или иерусалимского священства. Он проповедует своей собственной властью («Я вам это говорю...»⁸⁶), не ищет вне себя никаких подтверждений законности своего права на проповедь, словно получил свое послание и поручение его возвещать непосредственно от Бога, и именно это вызывает подозрения и раздражает. Это независимый учитель, и радикализм роднит его с великими пророками. Но является ли он действительно одним из них? Является ли он носителем святых обетов Израиля? Не самозванец ли он, которого важно разоблачить? Пророков не было уже 500 лет, после Захарии! Прервал ли ЙаХВе молчание?

– Кто ты? – сразу спросили его посланники Иерусалима.

– Я не Мессия, – честно ответил им Иоанн.

Они настаивали:

– Кто ты? Ты Илия?

Действительно, возвращение на землю Илии считалось знаком скорого наступления царства Мессии.

– Я не он!

¹⁸ Ее не следует путать с селением возле Иерусалима, которое называлось так же и в котором жили Марфа, Мария и их брат Лазарь.

Он не Илия, вернувшийся на землю, даже если своим поведением он хотел показать, что он действительно новый Илия, предсказанный Малахией и Бен Сиром⁸⁷.

Диалог продолжался.

– Ты пророк?

– Нет.

Эти отрицания, скрупулезно отмечаемые евангелистом, озадачили посланцев Храма. Если Иоанн не Мессия, не Илия и не пророк, то есть новый Моисей, появления которого ожидали в конце времен, кто же он тогда? Этим людям, воспитанным на Писании и его толковании, трудно было представить себе, что Иоанн мог сам по себе, интуитивно знать волю Бога. Креститель дал им только сбивающий с толку ответ: «Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу». Таким образом, он относил пророчество Исаии к себе. Вынужденный говорить, Иоанн укрылся за этим пророчеством и отождествил себя с изречением Исаии⁸⁸. Оно – наилучшее краткое описание призыва, который услышал Иоанн.

Евангелист Иоанн уточняет, что эти посланцы были фарисеями, специалистами по обрядовой чистоте. Странное крещение пророка из пустыни вызывало у них любопытство и озабоченность: казалось, что оно разрушает традицию омовений и всю экономику Храма, построенную на жертвоприношениях. Они выдвигают это в свою защиту: «Что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк?» Иными словами, по какому праву ты так действуешь? Какой властью ты обладаешь, чтобы совершать настолько новый обряд?

Сын Захарии и Елизаветы дал им ответ, который точно должен был заставить их врасплох:

– Я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете...

Христиане, включая Павла, видели в этом загадочном незнакомце Христа, но многие последователи Иоанна не разделяли эту точку зрения. Для этих людей их учитель остался единственным и самодостаточным образцом. Именно поэтому в течение всего I в. и позже сосуществовали группы христиан и группы учеников Крестителя.

Глава 3 Иисус и Предтеча

Выход на сцену

В начале 30 г. движение последователей Иоанна приобрело уже крупный размер. И вот однажды к нему вышел из толпы некий человек, тоже пожелавший принять крещение. Человек этот пришел из Галилеи, которая находилась на расстоянии трех дней пути. Это был Иисус из Назарета. Одетый, как иудей той эпохи, в льняной, украшенный бахромой полосатый хитон с длинными рукавами, он ничем не напоминал дикаря из пустыни, подобного Иоанну. Его звали Иешуа. Это было широко распространенное тогда имя, сокращение от библейского, которое носил преемник Моисея Иисус (Yehoshoua). Оно означало: «Иегова спасает» или «Бог есть спасение». Как Иисус выглядел? Отпечаток на Туринской плащанице показывает, что он был высоким, 1,75—1,85 м, может быть и больше⁸⁹. Такой рост не был чем-то исключительным среди тогдашних иудеев: в Израиле находили человеческие скелеты I в. примерно того же размера. Атлетически сложенный, с хорошей фигурой, без лишнего веса (по оценкам медиков, изучавших Туринскую плащаницу, он весил между 77 и 79 кг), Иисус мало походил на тщедушного человека с опущенными плечами из фильма Пьера Паоло Пазолини «Евангелие от Матфея».

По мнению гарвардского профессора и археолога Карлтона С. Куна, он имел древний семитский тип внешности и походил на сефарда. Быть может, в его крови было даже меньше чужеземных примесей – так же мало, как у некоторых жителей Йемена, предки которых не смешивались с древними египтянами, вавилонянами или хеттами. Лицо у него было удлинённым, надбровные дуги – резко выраженными, скулы – выступающими, борода – округлой. (Раздвоенной, как ее изображают на византийских иконах и предметах культа начиная с IV в., она стала лишь после того, как первосвященник Анна вырвал из нее клоч.) Иисус носил длинные волосы до плеч, расчесанные на прямой пробор. Тогда это была обычная для еврея прическа⁹⁰. На Суда-риуме из Овьедо отпечатались выступающие скулы и заметно выступающий вперед нос 8 см в длину (на отпечатке Туринской плащаницы длина точно такая же).

Долгое время христиане, не знающие, как выглядел Иисус, изображали его как молодого безбородого человека с короткими волосами, напоминающего языческого бога Древней Греции. Но на римском изображении Доброго Пастыря из гипогея Аврелиев, которое было написано в середине III в., намечена фигура Христа с бородой. В IV в., тоже в Риме, в катакомбах Святой Коммодиллы, а также святых Марцеллина и Петра, Христос первый раз обретает черты сына Израиля и предстает бородатым, с волосами до плеч, овальным лицом, довольно длинным носом и темными выразительными глазами. Только в VI в., после того как был вновь обнаружен Мандилион из Эдессы (сейчас турецкий город Урфа), хорошо известный иконографический канон широко распространился.

Какого он был возраста? Не следует воспринимать буквально слова Луки: «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати». 30 лет – символический идеальный возраст зрелости. По Книге Бытия, в этом возрасте был сотворен Адам, столько же лет было Иосифу, когда он явился к фараону, а Давиду – когда он стал царем. В 30 лет раввины начинали проповедовать, а священники нести службу в Иерусалимском храме. На самом деле точный возраст Иисуса неизвестен. «Тебе нет еще пятидесяти лет», – укоряют его фарисеи в Евангелии от Иоанна, имея в виду, что он не может быть по-настоящему мудрым. Одно мы знаем точно: Иисус родился не 25 декабря 1 г. н. э. В латинской литургии праздник Рождества Христова

был установлен в этот день папой Либерием в 354 г. Таким образом, день был выбран условно, чтобы придать христианский смысл языческому празднику зимнего солнцестояния. Раньше этот праздник был посвящен Непобедимому Солнцу (Sol Invictus), языческому божеству, которое почитал император Аврелиан (270–275), а также ежегодному возрождению индоиранского бога Митры. Так что исторического значения эта дата не имеет. Более того, Иисус родился за несколько лет до Рождества Христова! Дело в том, что скифский монах Дионисий Малый в VI в. допустил ошибку в вычислениях и датировал начало христианской эры 754 г. после основания Рима. Если довериться свидетельствам евангелистов Матфея и Луки, Иисус родился в правление Ирода Великого. Однако Ирод умер в 4 г. до н. э. Исходя из этого, некоторые историки предполагают, что Иисус родился в 7 г. до н. э. Мы примем эту дату. Таким образом, когда в 30 г. н. э. Иисус начал свое служение, ему было 37 лет.

Иисус говорил на арамейском – на том древнеарамейском наречии, на котором до сих пор говорят в отдаленных сирийских деревнях к северу от Дамаска, – с галилейским акцентом, при котором плохо произносятся семитские горловые звуки. В речи галилеянина было невозможно отличить одно от другого слова *immar* (ягненок), *hamar* (вино) и *hamor* (осел)⁹¹. Арамейский язык, возникший в северной части Месопотамии и адаптированный в V–IV вв. до и. э. персидской администрацией, был широко распространен на Ближнем Востоке. Иисус также владел ивритом, языком священных текстов, и иногда использовал его в торжественных случаях. Так что безграмотным он не был. Не будучи столь же образованным, как многоязычный иерусалимский книжник, читавший еврейскую Библию по-гречески быстрее, чем на иврите, Иисус, вероятно, владел греческим достаточно, чтобы поддержать на нем разговор⁹². Так, в Евангелии от Иоанна мы встречаем следующий эпизод. Когда иудеи диаспоры захотели поговорить с Иисусом, они в первую очередь обратились к двум его ученикам, Андрею и Филиппу, которые говорили по-гречески⁹³.

Иудей своего времени

Вопреки твердому учению Церкви, христиане сегодня под влиянием монофизитской доктрины¹⁹ склонны представлять Иисуса бесплотным. Иногда его представляют облаченным в абстрактную человеческую природу, отделенным от своего окружения, всезнающим, господствующим над временем и пространством. Словно он мистическим образом спустился на нашу планету, подобно внеземному существу, а мы, говоря языком научной фантастики, вступили с ним в своего рода «близкий контакт третьей степени». Конечно же, историк не может согласиться с подобным подходом. Иисус – существо из плоти и крови, он был подобен другим людям строением тела, физиологией и психологией. Он жил в культурной среде своего времени и был верующим иудеем, исповедовавшим не современный раввинизм, а делившийся на множество течений иудаизм I в. н. э. «Он жил так же, как мир вокруг него, одевался, ел и пил, как все галилеяне, использовал в речи те же образы»⁹⁴. Он испытывал голод, жажду, страдал, уставал в пути. Человеческое несчастье вызывало у него сострадание. Он оплакивал смерть Лазаря, своего друга из Вифании. Его научные и медицинские познания, видение мира, его космогония были такими же, как у современных ему иудеев.

Но был ли Иисус обычным иудеем? Определенно нет! Когда он явился к Иоанну, чтобы тот крестил его, тайна уже окружала Иисуса. Он был столь благочестив, столь свят, что поражал не только своим исключительным знанием иудейского закона, но даже в большей степени своей решимостью следовать тем путем, который указывал ему Бог, его Отец. Родителей Иисуса, Иосифа и Марию, поразил один случай, произошедший на Пасху, во время ежегодного паломничества в Иерусалим. Мальчику было 12 лет. Это был возраст бар-мицв (обряда религиозной инициации для подростков) или его аналога той эпохи⁹⁵. На восьмой день после Пасхи, вместо того чтобы вернуться с родителями в Назарет, Иисус без их ведома остался в Иерусалиме. Иосиф и Мария, уверенные, что он находится в их караване и играет с ровесниками-родственниками из своей деревни, шли целый день, прежде чем заметили его исчезновение. Когда же родители вернулись в Священный город, после долгих поисков они нашли Иисуса в Храме, где он сидел, окруженный учителями Израиля, и спорил с ними, как знаток Священного Писания. Он, деревенский мальчик из Галилеи! По словам Луки, который описал этот случай, «все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его». На взволнованные вопросы матери Иисус с удивлением возразил: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу моему?» Мария, как говорит Лука, «сохраняла все слова сии в сердце Своем»⁹⁶. Аббат Жан Карминьяк предположил, что в качестве источника для этого эпизода Лука использовал очень древний досиноптический текст иудейского происхождения, который сохранила иудеохристианская община Иерусалима⁹⁷.

Вот еще одна странность. Когда его отец уже умер, Иисус, в возрасте почти 40 лет, оставался неженатым, хотя не был аскетом-назиром, как Иоанн Креститель. Ничто не позволяет утверждать, как делают некоторые современные историки и романисты (например, Энтони Берджесс), будто Иисус был вдовцом. Подобный радикальный выбор необычен в иудейском мире, где брак считался священным, а мужчина и женщина были обязаны соединиться и родить многочисленное потомство. «Плодитесь и размножайтесь», – сказал им Всевышний⁹⁸.

¹⁹ Монофизиты признают лишь божественную природу Иисуса. Католическая, православная и протестантская церкви, принимая, в отличие от православных восточных церквей (коптской, сирийской, армянской...), решение Халкидонского собора (451), признают в Иисусе две природы, человеческую и божественную, нераздельно связанные между собой. Таким образом, для подавляющего большинства христиан Иисус является одновременно «истинным человеком» и «истинным Богом». Для теологов он воплощенный Сын Божий, существовавший во веки веков, и в то же самое время человек, получивший душу при рождении.

Позднее мы увидим, что Иисус считал себя одним из «скопцов для Царства Небесного»⁹⁹. Как и в случае с Иоанном Крестителем, мы не располагаем ни малейшими сведениями о связи Иисуса с ессеями, часть которых также соблюдали целибат. То, чему Иисус вскоре будет учить, существенно отличается от непреклонного соблюдения закона, которому следовала эта секта, несмотря на некоторое сходство взглядов.

Согласно Евангелию от Луки, Иисус и Иоанн Креститель были родственниками, хотя степень их родства неизвестна. Иоанн родился лишь на шесть месяцев раньше. Однако они происходили из очень разных слоев общества. Иоанн был из иудейского рода священников. Иисус же родился в Назарете, небольшом местечке в Нижней Галилее, отдаленном от главных дорог. Отцом его был деревенский плотник по имени Иосиф. Он рано научил Иисуса своему ремеслу. Иосифа не стоит считать темным иудейским крестьянином из Средиземноморья или строительным рабочим, каким некоторым нравится его считать¹⁰⁰. Он был ремесленником, умелым работником по дереву (*tekton*) и принадлежал к более высокой социальной группе, чем простые рабочие. Во II в. Иустин Мученик скажет, что Иисус делал упряжи и плуги. Нужно заметить, что в дереве в то время не было недостатка: Назарет окружали большие дубовые леса.

Вероятно, Иисусу, как и его отцу, давали плотницкую работу в соседней деревне Яфии и Сепфорисе, большом городе, который располагался в полутора часах ходьбы к северу от Назарета. Этот город был сожжен в 6 г. н. э. армиями римского легата Квинтилия Вара и его союзника Ареты IV, царя Набатеи, во время восстания Иуды Галилеянина¹⁰¹. Иисус, которому тогда было лет двенадцать – тринадцать, конечно, видел, как густой дым, поднявшийся от подожженного города, закрыл небо над его деревней. Быть может, он видел даже очертания стоящих вдоль дорог крестов, на которых распяли многих осужденных. После этой катастрофы Ирод Антипа велел восстановить Сепфорис и решил сделать его столицей Галилеи (позднее, построив Тивериаду, он передумал). Стройка, снабжавшая каждого работой, продолжалась до 25 г. Этот царский город с хорошо укрепленным акрополем в центре и многотысячным населением, переименованный в Автократис в честь Цезаря Августа, был гораздо менее эллинизирован, чем принято считать. Здесь находили остатки еврейских ритуальных купален, микв¹⁰². Так что у местных евреев вряд ли были причины не работать на этой стройке, в отличие от строительства Тивериады (которую называли нечистой, потому что она была построена на бывшем кладбище)¹⁰³.

Но еще важнее понять особенности той среды, в которой прошло детство Иисуса. Деревню Назарет населяло около 150–200 жителей (где-то 50 домов). Она располагалась в холмистой области, принадлежавшей древнему Завулонову колену, в нижней части Галилеи, у выхода на богатую зерном Изреельскую равнину (буквально название Изреель переводится как «Бог засекает»). Назарет, несомненно, был пригородом укрепленного городка под названием Яфия, от которого находился на расстоянии мили. Небольшая деревня: несколько тесных построек, пещеры, служащие жилищами и складами еды, миквы, пышные виноградники, защищенные башнями и невысокими каменными стенами, прессы для вина, синагога, то есть дом для собраний, а к северу от них был обнаружен колодец, к которому, быть может, ходила за водой Мария, мать Иисуса. Поблизости проходила римская дорога. В ноябре 2009 г. археологи раскопали остатки скромного дома, которые, несомненно, можно датировать I в. н. э. Дом состоит из двух комнат и небольшого двора, в центре которого располагается вырубленная из камня цистерна для сбора дождевой воды. Помимо сосудов Римской эпохи, при раскопках были обнаружены фрагменты каменной кухонной посуды, изготовленной согласно всем правилам ритуальной чистоты. Эти находки говорят о большой набожности хозяев дома. По словам руководительницы раскопок Ярдены Александр, найденный дом – «важнейшее открытие», которое доказывает, что Назарет, вопреки некоторым утверждениям, существовал в ту эпоху. Почему этот дом сохранился, когда соседние дома исчезли? Мы этого не знаем. Но можно

предположить, что этот дом был известен Иисусу, Марии и Иосифу. Этот дом стоял в центре селения, и стоял близко от того места, где, согласно очень древней традиции, находился дом Марии. Кстати, на месте ее дома сначала было построено иудеохристианское культовое здание, потом в IV в. там возвели церковь в византийском стиле, позже на нем стояла церковь крестоносцев. Сейчас там находится базилика Благовещения.

Эти странные Назореи

У этой внешне вполне обыкновенной деревни существует одна особенность, которая, как подчеркивал Баргиль Пикснер, и придала ей особое значение¹⁰⁴. Ее название, Назарет, на самом деле происходит от еврейского слова «нетцер», которое означает «отпрыск» или «побег». Название Назара или Назарет пишется через букву t (цади), а не через z – зайн¹⁰⁵ и в переводе означает «малый отпрыск». Это поселение основал род Назореев, члены которого считали себя дальними потомками Иессея Вифлеемского, отца Давида. Этот род пришел из Вавилона и закрепился на новом месте примерно в конце II в. до и. э. Отец Пикснер объясняет, что этот род дал свое имя поселению, подобно тому как город Дан получил свое от Данова племени, Шомрон-Самария от колена Шомеры, Иерусалим – от иевусеев, Манда – от мандеев.

В Назарете были обнаружены следы поселений бронзового века, но в 733 г. Галилея была завоевана ассирийским царем Тиглатпаласаром III, а множество иудеев – изгнаны. Назарет тоже был покинут. С VI по II в. до н. э. он оставался заброшенным. Здесь не находили остатков ни древнеперсидской, ни доэллинистической керамики. Древние израильские племена были изгнаны из этого края, и он стал языческим. При Маккавеях в нем оставались лишь несколько живших далеко одна от другой иудейских семей. Это положение полностью изменилось при Иоанне Гиркане из рода Хасмонеев. Он и его преемники повелели жителям этой местности совершить обрезание или отправиться в изгнание и предложили поселиться в ней евреям из Персии и Вавилона. Эта политика новой иудаизации, вероятно, и побудила возвращавшихся тогда из Вавилона Назореев обосноваться здесь.

Род Назореев, другое поселение которого, Кокхаба, располагалось к востоку от Голана, твердо верил, что рано или поздно в нем появится на свет царь-помазанник, победоносный потомок

Давида, который будет править над Израилем, освобожденным наконец от иноземных захватчиков. Название Кокхаба переводится с арамейского языка как «звезда» и явно означает звезду Мессии, о которой сказано в Числах: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля»¹⁰⁶. Таким образом, как отмечает отец Этьен Ноде, и Назарет, и Кокхаба носят «простые имена, отражающие чаяния [своих] обитателей»¹⁰⁷. Род Назореев, безусловно, относил именно к себе мессианское пророчество Исаии: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его». От Галилеи распространится ярчайший свет. Явится «Чудный Советник», «Князь мира», который утвердит свое владычество «на престоле Давида и в царстве его»¹⁰⁸.

Впрочем, Назореи не были предвестниками радикального течения zelотов, которое появилось позже, во второй половине I в., и начало борьбу против римлян. Назореи – это мирные крестьяне, земледельцы или деревенские ремесленники. В отличие от ессеев они регулярно посещали Иерусалимский храм по большим праздникам. Возможно, первосвященники и официальная власть держали их под наблюдением. Правителям были совершенно не нужны мессианские волнения: для них это была угроза потерять те крохи власти, которые им дали римляне.

Иисус одновременно был жителем Назарета и Назореем, потомком Давида¹⁰⁹. Именно так следует понимать одну довольно загадочную фразу из Евангелия от Матфея. Иосиф, отец Иисуса, «придя, поселился в городе, называемом Назарет», чтобы сбылось «реченное через пророков, что он [Иисус] Назореем наречется. Здесь имеется в виду не житель Назарета. Такого пророчества нет нигде в Ветхом Завете, который даже не упоминает названия этой неизвестной маленькой деревушки. Под этим именем следует понимать отрасль от корня Иессеева, потомка царя Давида. Уже в 390 г. это подчеркнул святой Иероним, комментируя этот слож-

ный отрывок, и повторил свое толкование в 395 г. в 57-м письме к Паммахию. Он перевел стих из Евангелия так: «Назорей произрастет от корня его». Именно такое значение имело тогда слово «Назорей» для жителей Иудеи. Доказательством тому служит одна деталь, отмеченная в Евангелиях от Луки и Марка. Речь идет об истории нищего из Иерихона. Евангелисты рассказывают, что, когда Иисус Назорей прошел мимо этого несчастного, тот вдруг закричал: «Сын Давидов! помилуй меня». Похожая отсылка есть в Вавилонском Талмуде¹¹⁰. Среди пяти учителей, носивших имя Иисус, упоминается один, который носит имя «нетцер». По отношению к нему приводят цитату из Исаии: «А ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь»¹¹¹.

Род Иисуса

Поскольку в Назарете жило немного людей, может создаться впечатление, будто бы все жители этого селения были из рода Давида. Несомненно, из этого рода происходил Иосиф, названный отец Иисуса. И нет сомнений, что Иосифа уже не было в живых, когда Иисус пришел к Иоанну Крестителю. Очень вероятно, что из рода царя Давида была и Мария, мать Иисуса¹¹². Согласно Евангелиям от Матфея и Луки, брак между Иосифом и Марией был устроен их семьями. А в ту эпоху родовые обычаи соблюдались строго. Закон предков нарушался редко. Внутри такой малой и закрытой группы, как Назореи, для которых было важно поддерживать традиции рода Давидова, эти обычаи должны были соблюдаться с особой строгостью. Согласно Храмовому свитку, одному из самых знаменитых есеевских текстов (II в. до и. э.), царь Изра-иля должен был выбирать себе жену не из иноверцев, но в своей собственной семье, в роду своего отца¹¹³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.